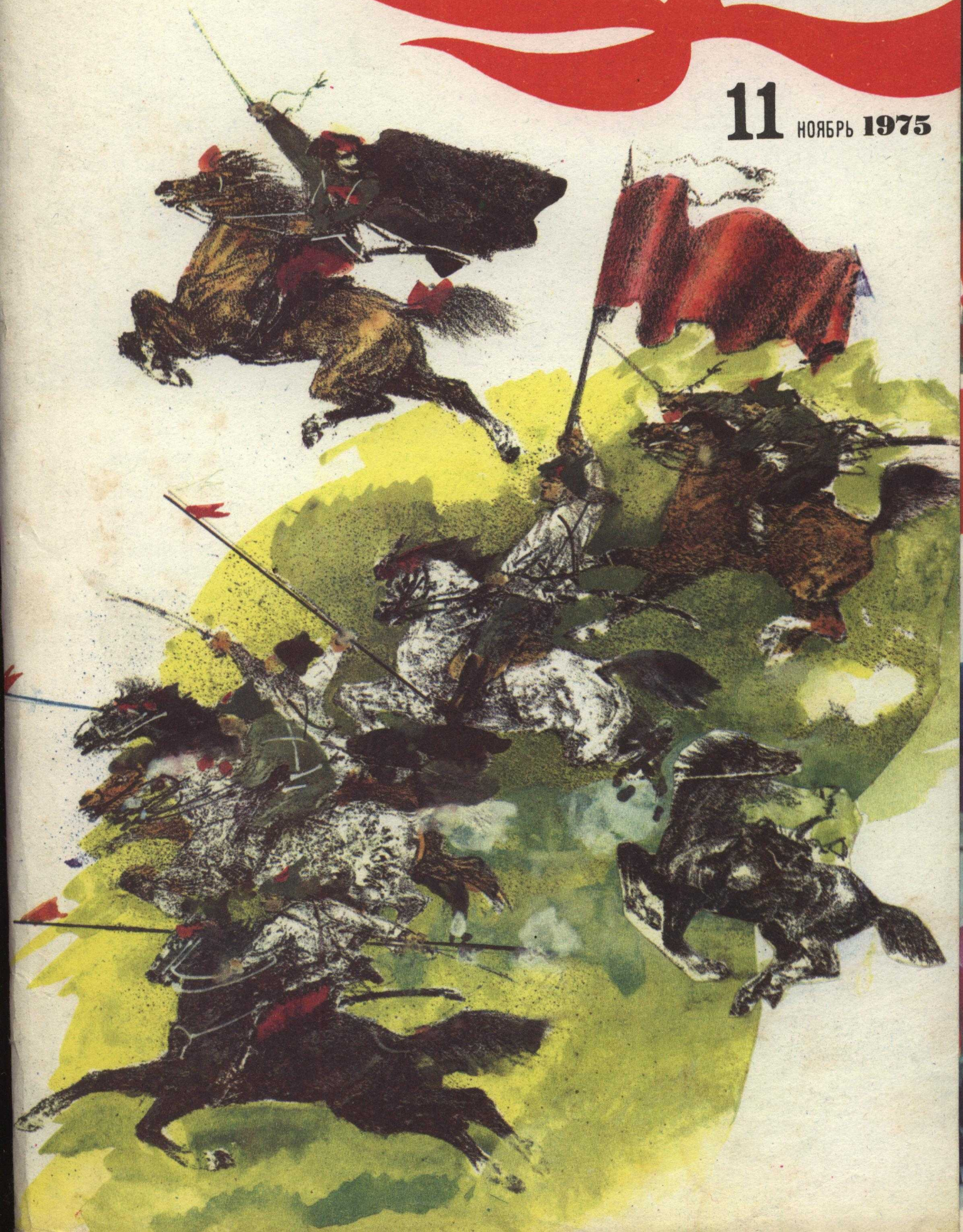

С. 21.1

КОСТЁР

11 НОЯБРЬ 1975

Дул,
 как всегда,
 октябрь
 ветрами,
 как дуют
 при капитализме.
 За Троицкий
 дули
 авто и трамы,
 обычные
 рельсы
 вызмеив.
 Под мостом
 Нева-река,
 по Неве
 плывут кронштадтцы...
 От винтовок говорка
 скоро
 Зимнему шататься.
 В бешеном автомобиле,
 покрывки сбивши,
 тихий,
 вроде
 упакованной трубы,
 за Гатчину,
 забившись,
 улепетывал бывший —
 «В рог,
 в бараний!
 Взбунтовавшиеся рабы!..»

Видят
 редких звезд глаза,
 окружая
 Зимний
 в кольца,
 по Мильонной
 из казарм
 надвигаются кексгольмцы.
 А в Смольном,
 в думах
 о битве и войске,

КОСТЁР

11
 НОЯБРЬ
 1975

Ежемесячный журнал
 ЦК ВЛКСМ
 Центрального Совета
 Всесоюзной пионерской
 организации им. В. И. Ленина
 Союза писателей СССР
 Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1975 г.

Рисунок А. Харшака

Ильич
 гримированный
 мечет шажки,
да перед картой
 Антонов с Подвойским
втыкают
 в места атак
 флажки.
Лучше
 власть
 добром оставь,

никуда
 тебе
 не деться!
Ото всех
 идут
 застав
к Зимнему
 красногвардейцы.
Отряды рабочих,
 матросов,
 голи

дошли,
 штыком домерцав,
как будто
 руки
 сошлись на горле,
холеном
 горле
 дворца.

В. МАЯКОВСКИЙ
Из поэмы «ХОРОШО!»

Ленинград.
Музей
революционной
истории
Невской
заставы
В этом
доме
жил
В. А. Шелгунов

В. А. Шелгунов
Фото И. Колтуна

Поезд шел медленно, останавливался на всех маленьких полустанках, иногда застревал в степи, и тогда пассажиры испуганно переглядывались: совсем недавно окончилась гражданская война, недобитые белогвардейские банды нападали на поезда.

Шелгунов ехал в товарной теплушке. Он давно уже потерял зрение, читать не мог и сейчас, лежа на жестких нарах, пытался представить, как все это будет в красном Питере. Много лет не был он в этом городе, неудивительно, если о нем все забыли. Но подумав так, он тут же с гордостью подумал: есть человек, который его не забудет. Шелгунов был одним из первых рабочих-революционеров, с которым этот человек познакомился в Питере более двадцати лет назад. Ловко ускользнув

РАБОЧИЙ ШЕЛГУНОВ — УЧЕНИК ЛЕНИНА

Н. ХОДЗА

от полицейских шпииков, он появлялся в точно назначенное время в комнате слесаря Василия Шелгунова, где его ждали рабочие. Сбросив потертое пальто, он проводил широкой ладонью по лысеющей голове и жестом предлагал сесть всем за стол:

— Начнем, товарищи, занятия. Продолжим чтение «Капитала» Маркса.

Это было так давно, но память сохранила все, начиная от первой встречи с этим необычным интеллигентом. В те годы слесарь Василий Шелгунов уже понимал, как несправедливо устроена жизнь. Рабочие живут в жалких сырых лачугах, работают от зари до зари, они бесправны, неграмотны, забиты, никто не может защитить их от произвола мастеров и хозяев. Что делать? Как изменить жизнь, чтобы рабочий стал полноправным человеком?

Шелгунов прочел много книг, встречался с образованными людьми (рабочие называли их интеллигентами), пытаясь найти ответ на вопрос: как бороться за лучшую жизнь рабочих. Интеллигенты были разные. Одни называли себя социалистами, другие — народниками, третьи — марксистами, и каждый говорил свое, но все заканчивали разговор одним и тем же советом:

— Читайте! Как можно больше читайте! В книгах вы найдете ответ на многие вопросы.

И Шелгунов при свете керосиновой лампы читал иногда до утреннего заводского гудка. Но книги были не всегда понятны и часто об одном и том же говорили по-разному.

Однажды один интеллигент-марксист сказал Шелгунову:

— Завтра — воскресенье, приходите ко мне в восемь утра. С вами хочет познакомиться очень интересный человек.

К предстоящей встрече Шелгунов отнесся равнодушно: еще один интеллигент будет уговаривать побольше читать. Всё читать да читать! А когда же действовать?!

Незнакомец пришел точно в восемь. Невысокий, широкоплечий, с небольшой рыжеватой бородкой, он сделал шаг навстречу Шелгунову и представился:

— Меня зовут Владимир Ильич, а вас, я знаю, зовут Василий Андреич. Здравствуйте. — И увидев в руках Шелгунова книгу, спросил: — Чем интересуетесь? Что за книга? Кто автор?

«Так и есть, — подумал Шелгунов. — И у этого на уме одни книги. Сейчас похвалит, что читаю «умную книгу».

— Автор толком себя не назвал. Вот... — Шелгунов показал на обложку. — Какой-то Николай-он.

— А, знаю, знаю. Читал. Зря теряете время, Василий Андреич. Ничего нужного для рабочих в этой книге нет...

Завязался разговор, необычный, совсем непохожий на предыдущие разговоры с интеллигентами. В разговорах с интеллигентами Шелгунова часто раздражал их поучительный тон, их слабое знание истинной рабочей жизни. И вдруг этот неизвестный ему человек говорит совсем другое и по-другому, не как учитель с неразумным учеником, а как равный с равным. Легкими шажками он ходит по небольшой комнате, иногда останавливается перед Шелгуновым и, чуть склонив набок голову, говорит:

— Некоторые наши интеллигенты убеждены, что они все знают лучше рабочего, что рабочие должны их слова принимать на веру, не сомневаться в них. Какой вздор! Опаснейшее заблуждение! Конечно, интеллигенты могут многому научить рабочего, многое объяснить, но и сами они должны многому учиться у рабочих...

Это было то, о чем Шелгунов думал не раз, но не решался сказать вслух...

Протяжный гудок паровоза предупредил — сейчас будет станция. Поводырь — он сопровождал слепого Шелгунова — восторженно:

— Может, кипяточку принести, Василий Андреич? Я мигом...

— Не надо, дружок.

Шелгунова теснили воспоминания, было радостно сознавать, что его учителем был Ленин. Он до сих пор не может забыть радостного удивления, когда впервые услышал от Ленина:

— Настало время приступить к созданию революционной партии, и боевым ядром ее должны стать рабочие — участники наших подпольных кружков.

И тут же дал Шелгунову задание организовать на заводах новые подпольные революционные кружки...

Их арестовали почти в один день — Ленина и Шелгунова. На допросе жандарм показал Шелгунову фотографию Ленина:

— Вы, конечно, знаете, кто изображен на этой фотографии?

— Не знаю.

Жандарм усмехнулся:

— Постарайтесь вспомнить, это облегчит вашу участь.

— Не знаю.

Как ни старался следователь добиться признания, что человек на фотографии — Ленин, руководил революционными рабочими кружками, Шелгунов твердил свое: «Не знаю»...

Свыше года просидели в петербургской тюрьме Ленин и Шелгунов. А потом им объявили приговор и сослали в разные концы необъятной России.

...Они увиделись через восемь лет, в бурные дни революции пятого года. Ленин вернулся из эмиграции и в первый же день приезда встретился с группой активистов Петербургской организации большевиков. Заметив Шелгунова, Ленин оборвал разговор с товарищами, поспешил навстречу старому соратнику, обнял его и поцеловал.

В эти накаленные дни первой русской революции Шелгунов бывал почти на всех выступлениях Ленина и каждый раз после такой встречи чувствовал живой прилив энергии. Он забывал о своей слепоте, его можно было увидеть на многих заводах Питера, на митингах, куда он нес пламенные слова Ленина.

Новый арест опять разъединил его с Лениным. Разъединил надолго, на целых десять лет. Новая встреча состоялась уже в революционном Петрограде. Огромная толпа заполнила площадь перед Финляндским вокзалом. Питерский пролетариат встречал своего вождя — Владимира Ильича Ленина. У дверей вокзала стояла группа старых товарищей Ленина и среди них слепой большевик, ветеран русского социал-демократического движения Василий Андреевич Шелгунов. Ленин узнал его сразу и радостно приветствовал.

С этого дня энергия Шелгунова как бы удесятерилась. Нужно было бороться не только с буржуазным Временным правительством, но и с предателями интересов рабочего класса — эсерами, меньшевиками, анархистами...

Летом Шелгунов уехал на Северный Кавказ. Он рассчитывал пробыть там недолго, но тяжелая болезнь спутала все его планы. О победе Октябрьской революции он узнал из газет. Это был самый счастливый день его жизни.

Началась гражданская война; Кубань, где жил Шелгунов, оказалась отрезанной от Питера. На Кубани хозяйничали белогвардейцы. Для большевиков они признавали только одну меру наказания — расстрел. Шелгунову, как и при царе, пришлось уйти в большевистское подполье. Но Красная Армия наголову разбила врагов молодой Советской республики, и дорога на Петроград стала свободной.

Девять дней пути в товарном вагоне, и наконец — Питер!

Он стоит на шумной площади Восстания, стоит взволнованный, немного растерянный от множества захлестнувших его чувств. Три года назад он покинул этот город, в котором всю сознательную жизнь вел непримиримую войну с врагами рабочего класса, и вот снова здесь, где его учитель Ленин провозгласил победу пролетарской революции.

— Петроградская правда! Красная газета! — выкрикивают горластые мальчишки-газетики.

— Купи! Скорее! — просит Шелгунов поводыря. — Купил? Ну, что там? Читай громче.

И поводырь читает: «Питерские рабочие первые будут приветствовать завтра членов Конгресса III Интернационала».

— Когда и где откроется Конгресс?

— Завтра, в двенадцать часов, в Таврическом дворце.

В окружении старых питерских рабочих-большевиков Шелгунов вошел в зал заседания. Он сел у прохода, в одном из последних рядов амфитеатра. Зал взорвался аплодисментами, и Шелгунов понял: в президиуме появился Ленин.

Ленин аплодировал собравшимся в зале революционным интернационалистам всего мира и пристально всматривался в лица собравшихся, точно кого-то выискивал в зале.

Наконец овация смолкла. «Сейчас объявят об открытии», — подумал Шелгунов. Но тишину в зале никто не нарушил. Это было Шелгунову непонятно. Слепой, он не видел, как Ленин покинул президиум и устремился вверх по проходу. Через несколько секунд Шелгунов услышал в тишине торопливые шаги: «Кто-то спешит, видно, опоздал к открытию». Но шаги все ближе, ближе и вдруг остановились в проходе, рядом с ним. Сам не зная почему, Шелгунов встал.

— Василий Андреич! Здравствуйте, дорогой мой!

Он почувствовал крепкие объятия Ленина и уже не слышал, что говорит ему вождь мировой революции, потому что все участники Конгресса вскочили с мест и, стоя, взорвали зал долгими аплодисментами...

«...Эта встреча была прекрасна своей человечностью». Так написал потом о ней участник Конгресса чешский писатель-коммунист Иван Ольбрахт.

В ТЮРЬМЕ

РАССКАЗ

В екатеринославской тюрьме так уж было заведено: политического обычно пихали в камеру к уголовникам.

Тюремное начальство поступало так неспроста. Оно отлично знало, что уголовники недолюбливают «политиков». Вот пусть посидит «борец за священные идеалы» с ворами, насильниками да бандитами, расхочется бунтовать.

Шелгунова поместили в общую камеру, где находилось шестнадцать уголовников. Почти все они были люди молодые, но уже много в жизни преуспевшие.

Верховодили в камере «Иваны» — так уголовники называли меж собой бандитов-рецидивистов, «Иванов» в камере было двое. Один, Федька-Семь Мозолей, попался, когда, угрожая топором, пытался ограбить проезжего купца. Второй, Маркиз, тоже грабитель, сидел в тюрьме уже шестой раз, хотя было этому Маркизу всего двадцать три года.

«Шпанка» — мелкие воришки, аферисты, всевозможные жулики и мошенники, беспресловенно слушались «Иванов».

Надзиратель закрыл за Шелгуновым тяжелую дверь, со скрежетом задвинул засов.

Борис РАЕВСКИЙ

Рисунки В. Бескаравайного

Шелгунов огляделся. Был он в темных очках, а в камере к тому же — полумрак. Но все же он видел: во всех углах расположились группы заключенных. Справа — резались в карты. Ближе к окну — чаевничали.

— Здравствуйте, — сказал Шелгунов.

Никто не ответил.

Только из-за стола рыжий тощий парень, глядя на широкую — веером — бороду Шелгунова, дурашливо крикнул:

— Заходи, дед! Где бабку-то потерял?!

И сам же первый взახлеб загоготал.

Громко заржали и его соседи.

«Да, радушно встретили», — подумал Шелгунов.

Он постоял у двери, огляделся и, высмотрев слева на нарах свободное местечко, двинулся туда. Положил на нары свой пиджак и уже хотел сесть, как все тот же дурашливый парень заорал:

— Эй, дед! Плацкарта занята!

Шелгунов внимательно посмотрел на него.

«И впрямь занята? Или так... забавляется?»

Но видел Шелгунов плохо. Лицо парня маячило вдали тусклым серым пятном. Поди тут разбери, какое у него выражение.

Шелгунов взял пиджак, неторопливо оглядел нары. Вот, справа, кажется, свободно.

Он прошел туда, бросил на нары пиджак.

— Эй, дед! — даваясь от радости, крикнул все тот же рыжий парень. — Тут плацкарта тоже занята.

Шелгунов нахмурился.

— У тебя, у одного, — два билета? — спросил он.

— Нет, это не моя спальня-почивальня. Это вот господина Маркиза, — парень ткнул пальцем в сидящего рядом мрачного лохматого верзилу.

— Ага, — сочным басом подтвердил Маркиз. — Моя.

Шелгунов понял: его разыгрывают. Но твердой уверенности все-таки не было. Да и вот так, едва явился, сразу ссориться — не хотелось.

Он послушно перешел на другие нары.

Но едва сел, дурашливый парень сразу заорал:

— Эй, эй! Тут Игнатий спит!

Однако Шелгунов не шелохнулся. Нет, все. Хватит...

Лег на нары. Сделал вид, что заснул.

«Будут еще приставать? Или угомонятся?»

Пока его не трогали. Но Шелгунов не очень-то верил этому спокойствию. Он знал жестокие нравы уголовников. Знал: если уж они взялись за новичка, так просто не отступятся. И горе тому новичку, который не сможет дать отпор. Насмешки и издевательства будут расти. С каждым днем все больше и больше. Новичка заставят убирать камеру за всех, прислуживать «Иванам», выносить парашу, он станет удобной мишенью для шуточек и развлечений всей камеры.

Нет, надо проявить твердость. Сразу же. Да, сразу показать — не на такого наравались...

Шелгунов задремал.

Во сне виделась ему манифестация. Идут по Чечелевке рабочие. И красный флаг вьется впереди.

Красный флаг на улице! Не часто увидишь такое!

Шелгунов улыбнулся во сне. Да, ловко получилось! Колонна прошла уже по всей Чечелевке, и лишь тогда появилась конная полиция.

Эта манифестация, очевидно, и послужила толчком к его аресту.

Да только ли его?!

Шелгунов заворочался на нарах.

Он не знал: в ту ночь, когда его арестовали, жандармы словно взбеленились — обыски шли повальные, по всему Екатеринославу. Вскоре чуть не весь городской комитет партии оказался за решеткой.

А еще приснился Шелгунову Бабушкин. Со всем молодой, улыбающийся. Таким видел его Шелгунов последний раз.

Где же это было? Да ясно где — в Питере. А когда? Лет шесть, пожалуй, даже семь... Да, семь лет назад.

Шелгунов повернулся, открыл глаза. Вспомнил тот день.

Иван Бабушкин был и вообще-то моложе Шелгунова, а в тот яркий воскресный денек казался совсем молодым. Русоволосый, безбородый. Только глаза — чуть красноватые, припухлые — старили его. А то бы — совсем мальчишка.

Шелгунов усмехнулся. Он давно уже подметил, что он и Бабушкин чем-то похожи. Оба слесари. Оба работают с малолетства. Оба из ульяновского «Союза борьбы». И, как на грех, у обоих — глаза больные.

И здесь, в Екатеринославе, Бабушкин тоже был. До Шелгунова, в ссылке. Типографию наладил, кружки рабочие. Прозвали Бабушкина здесь «Товарищ Трамвайный» (потому что на прокладке трамвайных путей работал). А его, Шелгунова, сперва так и величали — заместитель Трамвайного. Да, он заменил здесь Бабушкина. А где тот теперь? Неизвестно.

Шелгунов снова задремал.

Во сне силится он спросить Бабушкина: «Где ты, Ваня?» И не может. Не может — и все тут.

Проснулся Шелгунов от резкой боли. Спросонок он даже не понял — где болит? И почему?

Раскрыл глаза. Сел.

Болела нога. Резко. Словно ее пилили.

Он посмотрел. Что за черт?

Нога горела. Да, да, горела! Внизу, возле пальцев.

Шелгунов рванулся. Ухватился за ногу. Ладонями стал гасить пламя. Потом сообразил: горит что-то, торчащее у него между пальцев. Вырвал это «что-то». Оказалось, скомканная, свернутая жгутом бумага.

Но кто засунул жгут ему меж пальцев?

Шелгунов обвел глазами камеру. Некоторые из соседей спали, другие делали вид, будто ничего не знают. Третьи смеялись.

Кто же устроил забаву?

Шелгунов переводил взгляд с одного на другого.

У всех у них были лица не дай бог.

Маркиз — одутловатый, с глазами совсем заплавленными — гулко хохотал. Так гулко, словно в бочку ухал.

Тщедушный рыжий парень заливался, лежа на спине и указывая рукой на Шелгунова.

— Спекся! Печеный-жареный, зато не вареный! — пронзительно выкрикивал нахальный парень.

«Он?» — подумал Шелгунов.

Но откуда знать, кто именно сделал пакость?

«Все одно, — решил Шелгунов. — Так это спустить нельзя».

Он неторопливо подошел к тощему парню. Молча ухватил его — одной рукой за брючину, другой за рубаху — и вдруг резко вскинул над головой.

Рыжий парень теперь висел где-то под са-

мым потолком. Болтал руками и ногами, извивался, дергался, как жук на булавке. Но Шелгунов, не обращая внимания на все его судороги, неторопливо расхаживал по камере, держа парнишку на вытянутых руках.

— Вот сейчас отыщем крюк крепенький и подвесим добра молодца, — словно раздумывая вслух, сказал Шелгунов. — Пусть повисит, проветрится, авось дурь из башки и выдует.

— О-ой! — орал парень. — Не надо, дяденька!

Но Шелгунов будто и не слышал его криков.

Левую руку Шелгунов опустил, и теперь парень висел у него на одной правой.

Это было эффектно! Как в цирке. Такой груз — три пуда, а может даже четыре — на вытянутой руке!

Уголовники — народ жестокий. И непостоянный. Больше всего на свете они уважают силу.

— Лихо! — крикнул Федька-Семь Мозолей и поскреб переносицу. — Вот тебе и дедок! Ну как, Никишка, проветрился?

Он захохотал.

Это послужило сигналом. Сразу гулко загрохотал Маркиз, а за ним и вся камера.

— Ой-ой! — дурашливо орал Никишка. — Пусти, дяденька! Больше не буду! Вот те крест, не буду!

Шелгунов еще поносил его по камере, потом опять, словно рассуждая вслух, сказал:

— Бросить, что ль?

— Знамо, бросить! Чего таскать-то этакую пададь? — тотчас отозвался Маркиз.

Но бросать Никишку Шелгунов не стал.

— Ну, ладно! — сказал он. — Авось поумнеет!

И опустил парня на пол.

Больше к Шелгунову не приставали. После этой истории он стал полноправным жителем камеры № 9.

Шли дни. Тусклые и безрадостные. Похожие друг на друга, как вылинявшие тюремные одеяла.

Из дней складывались недели. Из недель — месяцы.

Кормили в тюрьме плохо. Щи из капусты. И на второе — тушеная капуста. И на ужин — капуста.

Этой осточертевшей капусты тюремное начальство по дешевке заготовило осенью целую гору. И теперь скармливало ее заключенным. Прихваченная морозом, безвкусная, при одном взгляде на нее мутило.

— Тьфу, мерзость! — в сердцах воскликнул Шелгунов, когда на обед снова получил миску чуть теплой капусты, издающей сильный тошнотворный запах.

— Да, — отозвался Маркиз. — Что поделаешь? Тюрьма она, вестимо, не ресторан...

— Бороться надо! — сказал Шелгунов. — Потребовать сюда этого Черта Рыжего и заявить протест.

Чертом Рыжим прозвали начальника тюрьмы — капитана Чарторыжского.

Капитан был уже немолод, высокий, подтя-

нутый. Лицо — интеллигентное. И к «политическим» обращался всегда подчеркнуто вежливо. Никогда не скажет — «ты». Непременно — «вы».

Говорили, что Чарторыжский — заядлый игрок и все ночи проводит за картами в игорном клубе.

Интеллигентность, однако, не мешала капитану быть хладнокровно жестоким. Казалось, он презирает заключенных. Всех, без разбора. Разговаривая, он смотрел куда-то поверх головы арестанта. Вроде бы говорил он вовсе не с тобой. Ты для него — ноль, пустое место.

— Ну, что же, попробуй, заведи баталию с Чертом Рыжим, — сказал Шелгунову Маркиз. — Одначе не советую.

— А я все-таки попытаюсь, — возразил Шелгунов.

Но начать войну с начальником тюрьмы ему не удалось.

К вечеру у Шелгунова вдруг вспыхнула сильная боль в животе. Казалось, какой-то громадный бурав медленно и упрямо ввинчивается все глубже и глубже, разрывая внутренности.

Боль шла приливами. То утихает ненадолго, то вновь набрасывается с дьявольской силой.

Шелгунов всю ночь промучился, но шума не поднимал. Все надеялся: пройдет.

Но утром стало совсем невтерпех.

Надзиратель — дежурный по этажу — встревожился: уж не тиф ли? Только не хватало в тюрьме эпидемии!

Шелгунова сразу перевели в лазарет.

...Вернулся он оттуда только через три недели. Исхудалый, пожелтевший.

В камере шибанул ему в нос такой знакомый, ядреный, тошнотный запах.

— Так, — сказал Шелгунов. — Значит, по-прежнему. Любимая капустачка!

— Она, милушка, — кивнул Маркиз. — Она, родненькая. А в лазарете? Как с кормежкой?

— Тоже неважно, — сказал Шелгунов. — Но все-таки без капусты.

За время, пока Шелгунов лежал в больнице, в камере появился еще один «политик». Звали его Михаил Красношеков. Но Шелгунов привык называть его подпольной кличкой — Миша-наборщик.

Этого Мишу Шелгунов отвел в угол камеры, шепотом долго беседовал с ним. Потом Шелгунов сказал:

— Кто как хочет, а мы решили заявить Черту Рыжему протест.

— А дале что? — лениво спросил Маркиз. — Ну, заявите. А начальничек начихает на ваш протест — и все.

— Нет, не все, — возразил Шелгунов. — Тогда мы объявим голодовку.

— Да ну?! — изумился Маркиз.

Все тюремные жители знают: голодовка — сильное оружие. Тюремному начальству очень не по нутру, когда на воле распространяются слухи, что вот заключенных до того до-

вели — готовы на голодную смерть. Публика тотчас заваливает жалобами губернатора и прокурора. Рабочие и студенты устраивают митинги в защиту голодающих. Шум, разговоры...

Да, голодовка — сильное оружие. Но... Попробуй-ка посиди без пищи дней пять, шесть, а то и восемь?! Не каждому это под силу. Совсем не каждому.

— Ну, решено? — спросил Шелгунов у Миши-наборщика.

Тот кивнул.

Шелгунов подошел к двери и сильно забарабанил кулаком по металлической обшивке. Гул, грохот поднялся такой, будто стреляют из орудий.

В двери приоткрылся глазок.

— Ну?! — сердито окрикнул надзиратель. — Чего буянишь?

— Передайте начальнику тюрьмы: мне надо немедленно поговорить с ним.

— Немедря? — усмехнулся надзиратель. — А может, погодишь малость?!

Створка глазка опустилась.

Прошел час, два... Минуту три часа.

Шелгунов снова стал стучать кулаком по двери.

— Сызнова куролесишь? — открылся глазок. — По карцеру заскучал?

— Я требовал начальника тюрьмы...

— «Требовал»... — покачал головой стражник. — Ишь, генерал какой. Не греми. Про тебя уже доложено.

Однако прошел день — Черт Рыжий не появлялся.

Только на следующее утро лязгнув засов и в камеру вошел начальник тюрьмы.

— Кажется, кому-то здесь не нравится? — чуть усмехаясь, спросил он.

Шелгунов коротко изложил жалобы заключенных. Главное — улучшить питание.

— Овощи весьма благотворны для организма, — сказал Чарторыжский. — Я и сам часто вкушаю капусту. И не жалуюсь.

Он усмехнулся и посмотрел на надзирателя. Тот понятиливо кивнул и тоже заулыбался.

— Из-за вашей гнилой капусты заключенных мучают желудочные болезни, — сказал Шелгунов. — Предупреждаю: ежели наше требование не будет удовлетворено, мы объявим голодовку.

— Ах, вот как?! Угрозы? — Чарторыжский нахмурился. — Ну, что ж. Коли нравится голодать — пожалуйста...

Он ушел.

— Итак, — Шелгунов повернулся к Мише-наборщику. — С завтрашнего дня — голодовка?

Тот кивнул.

Неожиданно в разговор вмешался Маркиз.

— Вот Черт Рыжий! — воскликнул он и прибавил несколько крепких слов. — С этим гадом в темном переулочке бы душевно потолковать! — он помахал огромным кулаком и снова выругался.

А кончил он неожиданно.

— Я тоже буду голодать! Вот! На зло Черту Рыжему!

Шелгунов внимательно оглядел Маркиза.

— Не советую, — сказал Василий Андреевич. — Знаешь присказку: «Вскачь землю не пашут»? Так сгоряча, бах-трах! «Тоже буду голодать!» А голодовка — штука серьезная. Через денек-другой, когда живот сведет — пожалеешь. Не сдюжишь...

— Я-то? — возмутился Маркиз — Я не сдюжу?

Он оглядел сперва высокого плечистого Шелгунова, потом стоящего рядом с ним низенького, хлипкого Мишу-наборщика.

— Ну, ты, Василь Андреич, — ладно. Ты — могуч. А этот вот — замухрыга... Выходит, он сдюжит? А я нет?..

Шелгунов пожал плечами.

— Не кипятись, — посоветовал он. — Обмозгуй все справно. А завтра скажешь.

— А мне и мозговать нечего! — взвился Маркиз. — Заявляю голодовку, и весь сказ. Мое слово — булат!

На следующий день, когда разносили пищу, дежурный по камере три порции вернул обратно.

И вскоре уже вся тюрьма знала: в камере № 9 трое объявили голодовку.

Голодать — всегда тяжело. Но особенно тяжело в общей камере. Вокруг тебя люди хлеблют суп, жуют хлеб, пьют чай.

— Надо лежать поболее, — посоветовал Шелгунов двум своим товарищам. — Поменьше двигаться. И учтите: первые трое суток — самые тяжкие. Потом полегчает.

Говорил он уверенно, будто голодовка для него — дело привычное. Но на самом деле все это он слышал на воле от более опытных товарищей. А сам он участвовал в голодовке впервые.

Шелгунов лег на нары, отвернулся к стене. Постарался заснуть.

Как назло, сон не приходил. Но Шелгунов упрямо лежал, сомкнув веки.

Так прошел весь первый день.

Уже поздно ночью, когда все заключенные спали, заснул и Шелгунов. Спал он беспокойно, ерзал, ворочался.

Проснулся чуть свет. Камера была вся наполнена густым храпом, сопением, тяжелым дыханием спящих. Кто-то надсадно кашлял, кто-то бормотал во сне.

Шелгунов лежал, не открывая глаз.

Голодовка уже давала себя знать.

Очень хотелось есть. Будто не было во рту ни крошки уже целый месяц. А ведь миновали всего сутки. Одни только сутки...

И сразу стало казаться, что тюремная похлебка — вкуснейшая штука. Даже осточертевшая капуста уже на второй день голодовки вдруг сделалась такой аппетитной, такой желанной, а ароматный дух ее прямо дурманил.

И от этого крепкого капустного духа делались спазмы в желудке. И казалось, прямо так

и чувствуешь — желудок сжимается, туго, еще туже, а потом со всхлипом расправляется. И опять съеживается в комок, властно требуя: дай!

Когда ее принесли утром, эту самую капусту, Шелгунов взял три миски и вытряхнул в парашу. Вот так. От греха подальше. Уж больно пахнет соблазнительно.

Весь второй день он опять пролежал на койке.

Мысли все время возвращались к одному: знают ли в городе о голодовке? Что предприняли товарищи?

Может быть, выпустили листовку? Или собрали митинг? И очередной оратор охрипшим, сорванным голосом кричит:

— Позор тюремщикам!

— Позор! — несутся ответные возгласы из толпы.

А может — все совсем не так? Может, на воле вовсе и не знают о голодовке? В городе все тихо, спокойно. А Черт Рыжий сидит у себя в кабинете и в ус не дует.

От этих мыслей на душе становилось зябко. И есть хотелось еще больше.

Уголовники — народ жестокий. Казалось бы, Шелгунов добивается справедливости не только для себя — для всех. И они вроде бы понимали это. Однако все это не мешало какому-нибудь Федьке-Семь Мозолей подойти к Шелгунову и, аппетитно жуя хлеб, спросить:

— Ну, как? Кишка с кишкой еще не разругались?

— Терплю, — отвечал Шелгунов.

— Ну-ну! Терпи, ерой, — и Федька-Семь Мозолей, удобно расположившись тут же, возле Шелгунова, продолжал смачно уплетать горбушку.

На прогулки ни Шелгунов, ни Миша-наборщик теперь не ходили. Берегли силы.

— Ну, нет! — сказал Маркиз, когда Шелгунов посоветовал и ему отказаться от прогулок.

Конечно, Маркиза легко было понять. Хоть и мал тюремный дворик, и обнесен высокой облупленной кирпичной стеной, размалеванной буро-зелеными разводами плесени, а все-таки полчаса побродить по нему — самое большое удовольствие из всех, доступных заключенному.

Правда, крохотный дворик мощен булыжником, но смотришь — там травинка проклюнулась, а тут воробей вон притулился. Сидит, нахохлившись, на стене.

А наверху — клочок неба. Синего, высокого.

И ветерок, пьянящий, веселый, который здесь, в тюрьме, — как дыхание свободы.

Но Шелгунов и Миша-наборщик понимали: теперь не до прогулок. Надо беречь каждую капелюшку энергии. Ведь силы-то уходят, а пополнения им нет.

На второй день голодовки Маркиз вернулся с прогулки, как хмельной.

— Дождик махонький попрыскал, — сказал

он Шелгунову с такой радостью, будто ему вдруг объявили об освобождении из тюрьмы. — Пошупай, — и он, подсев на нары к лежащему Шелгунову, наклонил свою голову.

Волосы были мягкие, чуть влажные, и пахли весной. Вроде бы даже сеном. И парным молоком. Хотя — откуда сено, какое там парное молоко?!

На третий день голодовка стала совсем мучительной. Тело требовало пищи. Требовало так яростно, что Шелгунову казалось — он готов грызть доску стола.

То и дело он поглядывал на Мишу-наборщика. Шупленький, тот лежал, отвернувшись к стене.

Шелгунов тоже старался лежать так. Не видеть никого и, главное, не видеть жующих, пьющих, чавкающих. Это было вовсе нестерпимо.

Ночью, когда камера затихла, Шелгунов все не засыпал. В маленькое окошко, пробитое высоко, под самым потолком, вливался слабый свет луны.

И вдруг Шелгунов увидел...

С крайних от дверей нар кто-то поднялся. Тихо-тихо.

И так же беззвучно, босиком, осторожно двинулся по камере. Он шел, то и дело оглядываясь. Сделает два-три шага, остановится, послушает и опять идет.

Шелгунов молчал. Прикрыв глаза, оставив лишь маленькую щелочку между веками, наблюдал.

Арестанта он узнал сразу. Огромный, одутловатый. Это был Маркиз. Конечно, Маркиз! Но куда он направился? И почему так беззвучно крадется?

Параша находилась совсем в другом углу. Куда же он?..

Маркиз медленно пересек камеру и подошел к нарам, где, скрючившись, спал тощий паренек — Никишка.

Низко наклонился к Никишке, послушал его мерное дыхание, снова огляделся и, воровато сунув руку под подушку, что-то осторожно вытащил оттуда.

И тотчас стал пятиться, отходить обратно к своим нарам. Но по пути он не выдержал, сунул это «что-то», украденное у Никишки, в рот и жадно заработал челюстями.

«Хлеб», — понял Шелгунов.

Он все так же лежал не шевелясь.

Маркиз вернулся к своим нарам, лег, накрылся с головой одеялом. Но еще долго слышал Шелгунов, как там, под одеялом, Маркиз тихонько сопел и жевал ломоть хлеба.

«Да, развеселые дела, — подумал Шелгунов. — Если другие арестанты узнают про такую голодовку — позора не оберешься».

А Маркиз, видно, совсем сдал. Больше ему не вытерпеть. А на вид такой огромный, сильный. Но решают, как всегда, не мускулы. Нет. Воля, характер — это поважнее.

Но как же быть?

Шелгунов долго лежал, глядя в мутный потолок. И все думал. Искал выход из тупика.

«Маркизу — ему ведь тоже нелегко, — думал Шелгунов. — С его-то самолюбием... Главарь камеры. И вот...»

Наконец Шелгунов придумал.

«Утром отзову Маркиза в сторонку, посоветую ему кончать голодовку. Пусть совет что-нибудь. Будто сердечный приступ. Или еще что. А мы с Мишей продолжим. Вдвоем. До конца».

Так он и решил. С этими мыслями и уснул.

Но утром уговаривать Маркиза не пришлось. Тот сам подошел к Шелгунову. Сел на нары. Тихонько сказал:

— Не могу. Больше мочи нет...

Шелгунов кивнул.

— Вы двужильные, что ль? — растерянно пробормотал Маркиз. — Этот хлюпик, Мишка, вовсе заморыш, мозгляк, а тоже вот — крепится. А я — уж извиняй — не могу...

Шелгунов снова кивнул.

— У Маркиза что-то с сердцем, — громко, чтобы слышали все в камере, объявил Шелгунов. — Ежели так — я запрещаю ему наперед голодать. А то еще помрет тут. Грех будет на моей душе. А мы, вдвоем с Мишей, мы продолжим...

Маркиз молчал. Ни слова не говоря, поплелся к своим нарам. Лег, отвернулся к стене.

...Завтракал он вместе со всеми. Жадно ел капусту, хлеб, запивал чаем, а на шуточки товарищей — как, мол, сердце? Еще не остановилось? — кисло отвечал:

— Покамест еще тикает маленько...

На четвертый день голодовки дверь в камеру вдруг отворилась. Вошел прокурор, высокий старик, с прямой спиной и следами былой военной выправки.

Вслед за ним из коридора скользнул надзиратель и, обмахнув рукавом табурет, подставил его прокурору. Тот сел.

— Господин губернатор сообразовал распорядиться о нижеследующем, — сухо сказал прокурор. — Во-первых, улучшить питание заключенных. Во-вторых, улучшить медицинский уход в тюремном лазарете. И, наконец, в-третьих, начальник тюрьмы, господин Чарторыйский здесь больше служить не будет. Он переводится в другое ведомство. Надеюсь, вы удовлетворены?

Прокурор хмуро обвел глазами арестантов.

Честно говоря, Шелгунов даже и не ожидал такой быстрой и такой полной победы. Ну, перестанут давать капусту, на это он надеялся. Но что Черта Рыжего уберут — нет, об этом он и не мечтал.

А объяснилось все просто: Шелгунов не знал, что его товарищи на воле не теряли времени даром. Как только узнали о голодовке, — в городе началось такое, что губернатор за голову схватился. Митинги, листовки, заявления в столицу, манифестации.

Когда прокурор ушел из камеры, арестанты кинулись к Шелгунову и Мише-наборщику. Тащили им, что могли: кто — сухарь, кто — кусок сахара, кто — горбушку хлеба.

И они ели, ели, ели. Все подряд.

— Эй, эй! Ты не очень-то! — наконец опомнился Шелгунов. — После голодухи сразу не наваливайся. Нельзя.

...Прошло еще несколько дней. Кормили в тюрьме теперь гораздо лучше. Появились щи со свиной, и малюсенькие брусочки масла к ужину, и кисель. И даже баранки однажды дали.

Правда, такое великолепие длилось лишь три дня. А потом супы снова стали походить на обычную тюремную баланду. И мясо тоже почти исчезло. Но все-таки кормить стали лучше. Хотя обрыдлая капуста пропала — и то победа.

А еще через несколько дней в камеру ввели нового арестанта. Шелгунов взглянул и ахнул: Бабушкин!

Да, Иван Бабушкин! Тот самый Бабушкин, его друг еще по Питеру.

Вот так встреча!

Бабушкин крепко обнял старого друга.

— Да, свиделись, — сказал он. — Лучше бы, знамо, не в тюрьме. Но такова уж наша доля.

Бабушкин с тревогой смотрел на темные очки Шелгунова.

— Что с тобой, Вася?

— Плохо дело: слепну...

— А врачи?

— А врачи говорят: лечиться надо. Покой, режим, отдых и все прочее. Ну, в тюрьме, правда, тоже режим: завтрак, обед, ужин — все по расписанию. А все-таки тюрьма маленько отличается от курорта.

Отойдя к окну, друзья долго беседовали. Бабушкин шепотом рассказал Шелгунову о своей недавней встрече с Ульяновым, о всех партийных новостях.

— А здесь-то как ты объявился? — спросил Шелгунов. — Ты ж давно уехал...

— Да. Сцапали меня под Москвой. Ульянов поручил мне быть там корреспондентом «Искры». Ну, сперва пихнули во Владимирскую тюрьму. А потом, этапом, — сюда. Это у них так полагается — «по месту дознания».

Бабушкин сел на нары к Шелгунову, снова с болью поглядел на его темные очки.

— А тебя здесь не обижают? — вдруг спросил Бабушкин.

Уж он-то знал лютые нравы уголовников. А над полуслепым они рады, наверно, поизмываться.

— Его-то? — Маркиз подошел к Бабушкину. — Его избидишь, как же?! — он засмеялся.

И соседи тоже заулыбались.

И сам Шелгунов усмехнулся.

— Нет, покамест не жалуюсь. Не обижают...

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ МАРШ

Девиз Марша — «Берем с коммунистов пример!». Все пионерские дружины страны соревнуются за право рапортовать XXV съезду Коммунистической партии о своих делах.

Достоин встретит XXV съезд КПСС для пионера — это значит:

— горячо любить свою великую социалистическую Родину, быть преданным Коммунистической партии Советского Союза, во всем и всегда следовать заветам В. И. Ленина, воспитывать в себе лучшие черты советского человека, гражданина, интернационалиста, будущего строителя коммунизма;

— учиться на совете на уроках и внеклассных занятиях, в кружках, объединениях по предметам. Постоянно пополнять и углублять свои знания, уметь помогать отстающим товарищам, выступать боевыми помощниками учителей в борьбе за всеобщее;

— вносить свой посильный вклад в трудовые дела народа, воспитывать в себе любовь к труду, чувство рачительного хозяина своей школы, пришкольного участка, пионерского лагеря, ко всему, что создано трудом народа. Бережно относиться к богатствам природы, готовиться встать в ряды славного рабочего класса и колхозного крестьянства;

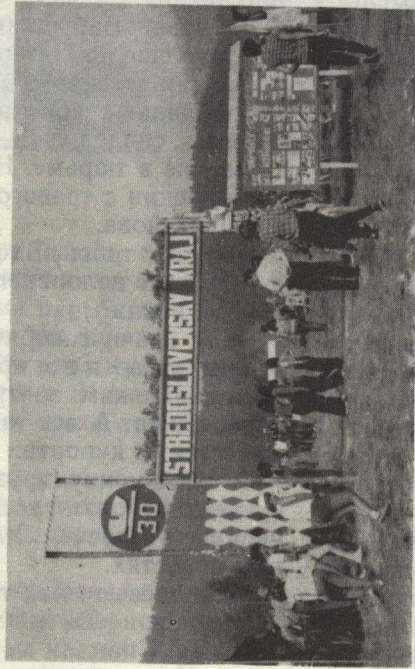
— своей личной инициативой, активным участием в жизни своего звена, отряда, дружины крепить ряды юных ленинцев, развивать лучшие традиции Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина;

— расширять кругозор, развивать творческие способности и дарования, укреплять здоровье, постоянно заниматься физической культурой, готовить себя к труду и обороне Родины.

Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ «КОСТРА»

Оформление Л. Каминского

1. Лагерь пионеров

2. Пионеры готовятся к походу по партизанским тропам

3. Утро наступило

ТВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ РОВЕСНИК

Эти снимки сделаны на слете пионеров — туристов, санитаров и юных пожарников — в долине Тале в Татрах. Почти 3000 пионеров Чехословакии принимали участие в этом традиционном июльском празднике.

Участники слета соревновались между собой в умелом овладении спортивными и туристическими дисциплинами, посетили деревни и места, которые связаны с памятью Словацкого антифашистского восстания 1944 года. Вечером у костра встретились с партизанами, которые сражались в этих местах.

Прислал фотографии
Нозеф Петрик

«ПИОНЕРСКИЕ РЕЛЬСЫ — БАМУ»

БАМУ нужен металл. Наши ребята стали собирать сырье. Мы залезли на чердак одного дома и увидели большую тяжелую трубу. Сначала мы думали, что ее не снести. С большим трудом мы спустили эту трубу вниз. А если бы упали духом, то страна не получила бы дополнительный металл.

Чукавин Игорь,
Владивосток

Собирать металлолом мы решили всем классом. Сначала была выслана разведка. Люда Война и Тома Железковская разведали, что много железа лежит возле лесосклада, а Полотобнов Олег видел раскиданный металлолом у автопарка. Сходили к лесоскладу и пока дотасовали до школы ржавое, на вид никому не нужное железо, очень устали и решили не идти к автопарку. Но Валентина Иванова, наша старшая пионервожатая, сказала, что мы пока на последнем месте и металлолома хватит только на пять сантиметров. «Ну, нет!» — подумали мы и дружно пошли к автопарку. Когда дотасовали оттуда к школе три дырявые железные дверцы от автомашин, директор школы увидел нас и воскликнул: «Да вы целых полсамолета тянете!» За каких-то полдня мы успели столько сделать. А вдруг наш метр на БАМЕ уже проложен?

Лысюк Алла,
Брестская обл.,
Белоозерск, школа № 3

МИЛЛИОН — РОДИНЕ

У нас в школе объявили сбор макулатуры. Наш класс встретил известие плохо. Никто не хотел носить макулатуру. Мы стояли на последнем месте.

На классном часе мы обсудили свое положение и решили занять первое место! И вот собирали, собирали и оказались на восьмом месте. Прошел день — мы на четвертом, а еще через день вышли на второе. На первом месте стоял 5 «а».

Сейчас сбор макулатуры продолжается, у нас уже 683 килограмма!

Саша Богдан,
Приморский край,
село Варфоломеевка

НИКУДА ИХ НЕ ВЫБИРАЮТ!

...Почему на тихих ребят не обращают внимания? Наверное, все привыкли, если ученик учится средне, у доски записывается, то его нигде и не выбирают. Ведь это несправедливо!

Кузьменко Галля,
Крым, село Николаевка

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ АКТИВИСТОМ?

Мы с подругой Леной поспорили: она считает себя активисткой потому, что ходит на сборы. А я считаю, что она не активистка, ходить на сборы — ее обязанность: она председатель учкома.

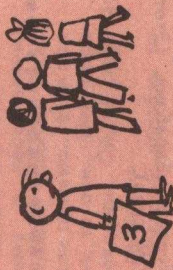
Страничка ПИОНЕРСКОГО АКТИВИСТА

Я — звеневая, но провожу еще мало хороших дел и активисткой себя не считаю. Мне очень хочется, чтобы ребята помогли нам разбираться, что же значит быть настоящим активистом?

Наташа Солоусова,
г. Кондопога

СОВЕРШЕННО НЕТ ВРЕМЕНИ!

Я член совета дружины, еще состою в поисковом отряде. Мы пишем письма в разные города, где есть памятники пионер-героям. Собираем материал и копии доку-

Лариса Ефременкова,
Братск

Интервью по видеотелу

В НОЯБРЕ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

Ребята Выборгского района Ленинграда рассказывают об инструкторе детской комманды, комсомольце, лейтенанте милиции Карпенкове Владимире Николаевиче.

ДЯДЯ СТЕПА С НАШЕЙ УЛИЦЫ

Некоторые несознательные старушки детей милиционерами пугают. Это даже групо и вредно! Потому что малыш попадет в беду, забудется, например, а к милиционеру подойти боится... А милиционер — первый помощник и заступник детей!

Вот наш друг — Владимир Николаевич Карпенков — лейтенант милиции, начальник детской комнаты. Он просто как дядя Степа всем помогает. Детские площадки организует! За малышей заступается, с подростками возится: то в лагерь их отправляет, то в школу идет, то к родителям...

А хулиганы его как боятся! А он все время на посту, его в любое время суток

можно на улице или во дворе встретить... В любую погоду он на посту... Детей бережет и защищает!

Вот он у нас какой! Храбрый и добрый! Настоящий комсомолец.

ЭТО И НАШ ПРАЗДНИК

Мы работаем в кружке «Юный друг милиции». Наш штаб еще молодой, существует только год, но мы уже успели многое сделать.

Расставили по всему поселку дорожные знаки. Обучаем малышей правилам дорожного движения, следим за порядком и чистотой.

Максимова Марина,
Алма-Атинская область,
поселок Абай

О МОЕЙ МАМЕ

Она не очень молодая, у нее уже волосы немного с сединой, но у моей мамы необыкновенно доброе сердце. Она все умеет делать. Нас у нее семеро, и у мамы есть медаль материнства. Моя старшая сестренка Наташа и я всегда хотим помочь маме, чтобы ей не было трудно с нами. И мой папа тоже старается маме помочь. У него очень много дел в совхозе. Он работает в теринатором. Бывает, что папу вызывают на работу даже ночью. Однажды бычки поели зеленой травы, опьяленной гербицидами, и у них раздуло животы. Приехали за папой, папа взял свой чемаданчик, отправился на ферму и почти всех бычков спас. У папы много дел на фермах. Мама — на работе, он и за нами присматривает. Моя мама работает в детском саду. С детьми она ласковая, и они ее любят. В детском саду, где моя мама работает, ей подарили телевизор: за хорошее отношение к детям и за чистоту в садике.

Когда мама нездорова, мы с Наташей сами нянчим сестренку, ходим в аптеку, в магазин. И готовим что-нибудь вкусное. Летом на мотоцикле ездим с папой и мамой в горы и на водохранилище. Дружная у нас семья.

Зухра Каршиева,
Узбекистан,
Сурхандарьинская обл.,
совхоз «Хазарбаг»

КОГДА МАМА ГОВОРIT «МОЛОДЕЦ!»

В семье нас четверо. Кроме меня, еще две сестры и брат. А папы у нас нет уже десять лет. Мне было два года, когда он

умер. Мама нас одна воспитала. Я ее очень люблю и жалею. Мне кажется, что она работает больше всех. Она простая рабочая. В прошлом году ей за хороший труд вручили орден Трудового Красного Знамени.

Сейчас мы уже все большие. Старшая сестра учится в училище, средняя в институте в городе, на физика. А брат уже работает.

Мама очень рада, что мои сестры и брат получили образование.

Я сейчас учусь в шестом классе. Очень стараюсь — уже шестой год учусь на отлично. У меня есть почетные грамоты. Но самая для меня дорогая награда, когда мама говорит «молодец».

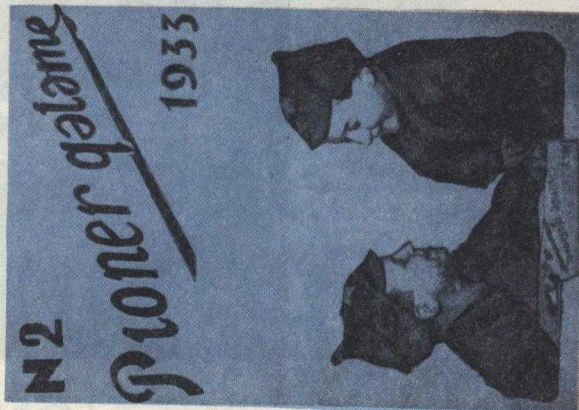
Пушкарева Ира,
Алма-Атинская область,
село Александровка

...Но, к сожалению, не все ребята так относятся к своим родителям, приходят к нам и другие письма. Вот одно из них:

...У нас во дворе есть Саша. У него мама с утра до вечера работает. Придет с работы — ищет Сашу, чтобы взять у него ключи. Мы говорим Саше, чтобы он помогал маме, а он отвечает всегда: «Я бы все сделал, если бы только захотел».

Его мама и на работе работает, и дома работает, а он ее нисколько не жалеет. А ведь он маме помогать обязан! Мы хотим, чтобы о нем все знали. Это поможет ему исправиться!

Худоярова Зоя,
Самаркандская область,
поселок Ингички

В прошлом номере Барабана мы рассказывали о старейшем пионерском журнале «Ялкыне», что выходит в Татарии. А вот о чем сообщали номера журнала в 1925 году.

СВОЯ СЕЛЬХОЗКОММУНА

В голодный год в городе Хвалынске был организован детдом им. Мулланура Вахитова.

Все учащиеся были из крестьянских семей, поэтому в 1922 году мы попросили, чтобы нам выделили для работы участок. Нам его дали летом. До сих пор мы хорошо работали на этом участке. А теперь думаем создать сельхозкоммуну. Многие из того, что необходимо для коммуны, нам уже выделили. Скоро у нас будет своя сельхозкоммуна.

Худий Салихов

НАШ ОТРЯД

Наш отряд был создан в 1923 году. В нем сейчас около семидесяти пионеров и октябрят.

При отряде хорошо работают переплетная мастерская и сапожная. Пионеры сами ремонтируют свою обувь.

Мы выпускаем газету «Юный ленинец». Она получила на выставке вторую премию и награждена полугодовой подпиской на журнал «Барабан». (Этот журнал выходил в Москве).

Х. Ахтямов

Под таким девизом проходил веселый конкурс БАРАБАНА, объявленный в марте. На конкурс поступило много рассказов. Жюри во главе с Почтариком строго, но весело отобрало рассказы, достойные публикации. Почтарик отредактировал рукописи, где надо, сократил и отправил в печать. Читайте рассказы в этом и следующем выпусках БАРАБАНА.

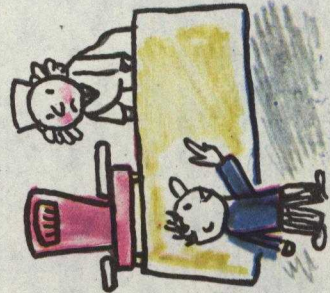
Поздравляем победителей! Приглашаем всех читателей сотрудничать в Веселой почте БАРАБАНА. Ждем ваших юморесок, карикатур, смешных историй в картинках. Да здравствует пионерский смех!

Взрослые и
ОДНАЖДЫ

Сколько стоят сухари?

ОДНАЖДЫ нам задали такую задачу: за $\frac{1}{5}$ кг сухарей заплатили $\frac{2}{5}$ рубля. Сколько стоит 1 кг сухарей? Хоть я и в пятом классе, но такие задачи решать не умею. Пришел ко мне Мишка, я и говорю: «Давай решать вместе». Сели — ничего не выходит. Вдруг пришел Димка, мой младший брат. Ему пять лет, а он уже читает. Димка прочитал задачу и говорит: «Сашка, я знаю, как задачу решить». Я засмеялся — да ну! А Мишка говорит: «Пускай скажет». Димка говорит: «Проще всего — идите в магазин и посмотрите, сколько стоят сухари».

Володя Будилев,
город Калинин

Как Петю Чижова медведь съел

ОДНАЖДЫ Вася Лебедев на уроке русского языка вслух читал сочинение про своего товарища Петю Чижова: «Однажды мы пошли в лес. Вдруг затрещали ветки и выскочил медведь. Он съел моего друга Петю Чижова и ушел в чащу».

Все смеялись — один Петя не смеялся. Он сказал: «А почему именно меня съел?» — «Ты что, шуток не понимаешь?» — спросил Вася. «А ты мне друг?» — «Друг». — «Вот и написал бы, что медведь съел тебя. В следующий раз я напишу, что тебя проглотил крокодил». — «Отомстишь, да?» — сказал Вася. «Ты что, шуток не понимаешь?» — в свою очередь спросил Петя.

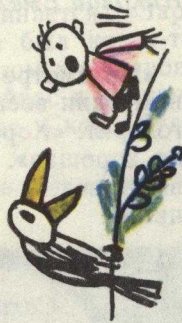
Зоя Сейцова,
Джамбулская область,
село Байкадам

Не могло отодвинуться!

ОДНАЖДЫ Вася Калачиков залез на дерево. Он стал дразнить ворону. Ворона терпела, терпела, а потом Васино карканье стало ее раздражать. Вдруг она не выдержала и как карканье во все воронье горло! От неожиданности Вася не удержался на ветке и свалился. Падаю, он ударился о сук и проворчал, глядя на дерево: «Не могло отодвинуться!»

Оля Петровская,
Краснодарский край,
поселок Узловой

ПОХОЖ!

ОДНАЖДЫ на урок литературы учительница принесла портрет и сказала: «Ребята! Вот перед вами портрет Алеши Пешкова, который...» Не успела она договорить, как Андрей Р. (он сидит на первой парте) вдруг громко сказал: «Как на Максима Горького похоже!»

Лена Погодина,
город Челябинск

ПЕШЕХОДНЫЙ

МОЯК

ОДНАЖДЫ пошли мы на Устиновский пруд плавать на плотах. Там устроили сражение — разгонишь плот да как-врежешься во «вражеский»! Потом он тебя догоняет и таранит со всего разгону. Еле на ногах удерживаешься. Мы таранили Петкин плот, и Петя рухнул в воду. Смешно загребая руками и хлопая ногами, Петя поплыл. Он плыл так, словно дело было в море. Но мы-то знали, какая глубина в пруду, и хохотали. Вдруг Петя встал — воды в пруду ровно по колено! С тех пор его прозвали «Пешеходный моряк».

Роберт Газизуллин,
Свердловская область,
поселок Лозьева

Злополучная теорема

...Вдруг грянул выстрел. Пираты забегали по судну, как крысы перед штормом. «Схватить всех наверх!» — заорал капитан. Вдруг он сказал голосом Анны Павловны: «Иванов, о чем задумался? Встань и повтори теорему о параллельных прямых». Иванов встал: «Если прямые... если прямые, то они... Они образуют углы... Ой, не ставьте двойку!»

Ира Барышева,
Москва

СТРАХУ-ТО БЫЛО!

...Вдруг мы услышали выстрелы. Испугались, побежали, падаем в воду — это было весной... Наконец, отдышались, вышли из лесу — а это, оказывается, пастухи бычачи хлопали.

Таня Шакина,
Павлодарская область,
село Лозовое

КАК СВЕРКАЕТ „ЗАРНИЦА“

«Как ветеран «Зарницы», — а я был на всех Всесоюзных финалах, — должен отметить: «Зарница-75» порадовала возросшей боевой и строевой выучкой юнармейцев, их высокой личной ответственностью за выполнение приказов командира. И объяснение этому только одно — большинство юнармейских отрядов — это правофланговые Всесоюзного пионерского марша «Всегда готов!».

*Член Главного штаба
«Зарницы»*

*генерал-майор в отставке
Николай Емельянович Аргунов*

«Я знал: все финалисты сдали нормы ГТО. И все-таки, честно говоря, побаивался, что десятикилометровый марш-бросок во время операции «Прорыв» для ребят будет трудноват. И что же вижу после марша-броска? Юнармеец батальона Света Молодиченко на привале пустился в пляс, а за ней и другие пионеры. Словом, когда командир полка запросил по рации: «Как чувствуют себя ваши юнармейцы?», я ответил: «Пляшут».

*Комбат-4 капитан
Федор Иванович Коптиль*

**Фото Н. Карасева
и К. Янушко**

О шестом Всесоюзном финале пионерской военно-спортивной игры «Зарница» военные говорили по-военному, юнармейцы — по-пионерски.

«На смотре строя и песни к нам один военный подходит и говорит: «Хорошо поете, и песня хорошая». А Света Шустова отвечает: «Мы ее сами сочинили».

*Саша Кунгурцев,
город Макаров,
Сахалинская область*

«Когда взяли высоту 112,0, пошли строиться. Строились возле Мемориального дота Типанова. Типанов — это Герой Советского Союза. Он на этой самой высоте закрыл грудью фашистскую амбразуру. Смотрим, по бокам дота гильзы стоят и на них что-то написано. А

это фамилии бойцов, повторивших подвиг Матросова, и среди них — знакомые: Красилов и Черемнов! Мы об этих героях уже несколько лет материалы собираем. Как увидели — бегом за цветами...»

*Люся Богачева,
школа № 78, Барнаул*

«Все дни финала провел вместе с юнармейцами 8 «а» класса школы № 33 города

Таллина. В их отряд я был назначен командиром-наставником. Что скажу о своих ребятах? Веселые, дисциплинированные, каждый в любую минуту готов прийти на помощь товарищу. А это очень важно. Ведь армия начинается с «Зарницы». Я тоже был когда-то юнармейцем, потом в Суворовское пошел, а сейчас в высшем военном училище. Скоро буду офицером».

Курсант Геннадий Утешев

«Все-все здесь понравилось. И как танки в атаку шли. И как по юнармейским специальностям соревновались. И фонтаны в Петродворце. А еще — «Аврора» и Смольный...»

*Саша Евграфов
и Коля Урмашов,
г. Никольский, Казахская ССР*

Рассказы участников финала
записал лейтенант запаса
В. ВЕРХОВСКИЙ

Ленинградская область,

июль 1975 года

САЛЮТ,
ПОБЕДА!

ПРИКАЗ ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ВОЕННОЙ ИГРЫ ПОХОДА „КУРС—ПОБЕДА!“

Дорогие юные друзья!

В ознаменование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Советским комитетом ветеранов войны и редакцией журнала «Костер» была проведена военная игра — поход «Курс—Победа!»

Вас, участников похода, представителей всех республик нашей Родины, было около восьми тысяч человек. Вы разыскивали участников войны, уточняли места захоронений, помогали родным и близким узнать о подвигах их отцов и сыновей. Отряды следо-

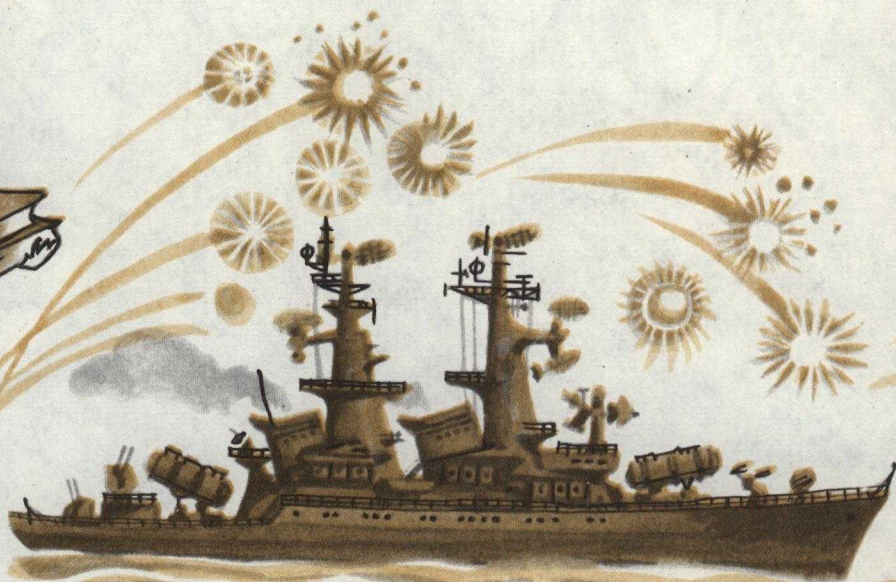
пытов, участники похода взяли шефство над инвалидами войны и семьями погибших воинов, несли почетный караул у обелисков и памятников.

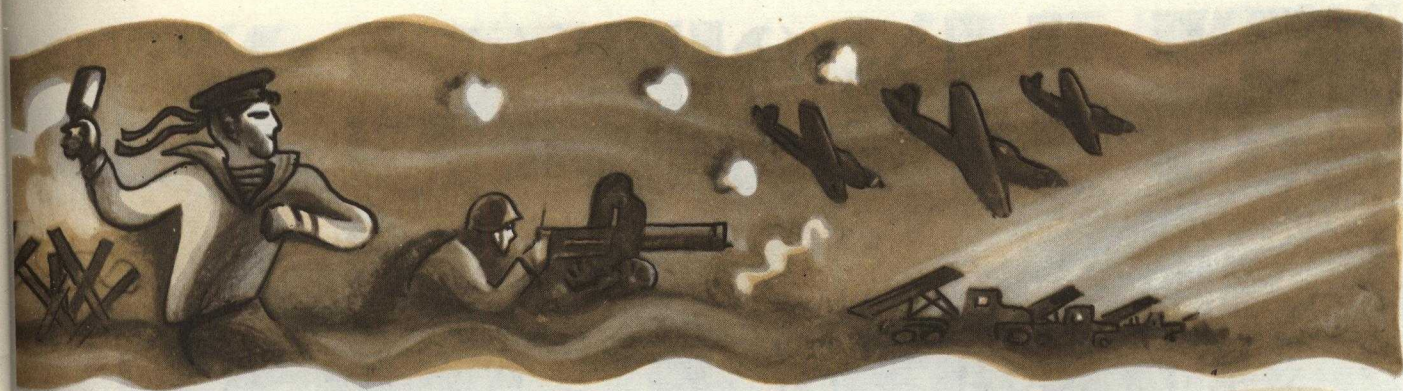
В своих письмах и рапортах вы рассказали о героических делах наших Вооруженных Сил, помогли журналу создать «Летопись похода».

Отмечая вашу большую и важную работу,

ПРИКАЗЫВАЮ:

За проведенный поиск героев Великой Отечественной войны, увековечение их памяти, сбор ценных материалов для «Летописи похода»

НАГРАДИТЬ ГРАМОТАМИ И ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ:

- 1) Отряд красных следопытов из поселка Змиевка Орловской области.
- 2) Отряд следопытов Дома пионеров им. Кости Янина, поселок Свесса Сумской области.
- 3) Клуб следопытов им. Ю. Фучика, ср. школа № 1, поселок Санчурск Кировской области.
- 4) Отряд им. Н. Могильного, село Андровка Запорожской области.
- 5) Отряд юнармейцев из ср. школы № 8, г. Лозовая Харьковской области.
- 6) Отряд следопытов 6 класса школы № 33 из г. Березовского Свердловской области.
- 7) Отряд «Искатели», Боровская школа Шенкурского района Архангельской области.
- 8) Поисковый отряд школы № 7 г. Миргорода Полтавской области.
- 9) Поисковый отряд 6 «б» класса ср. школы села Тунка Бурятской АССР.

- 10) Отряд следопытов школы № 45 поселка Джимкуль Колхабадского района Таджикской ССР.

ЗНАЧКАМИ «ПОДВИГОВ ГЕРОЕВ БУДЬ ДОСТОИН!» И ПАМЯТНЫМИ ПОДАРКАМИ:

Ларису Борисову, Светлану Чудновских из г. Кирова, Олю Харламову из г. Новочеркасска, Аню Остапенко из г. Перми, Олю Дубинину из г. Читы, Павла Жевтиева из г. Фрунзе, Люду Глебову из г. Пензы, Таню Сечко из пос. Лютань Минской обл., Васю Кущинца из села Майдан Закарпатской обл., Игоря Пендюрина из г. Энгельса, Алешу Панова из Москвы.

Выражаю уверенность, что вы и в дальнейшем будете участвовать в военно-патриотической работе, продолжать поиск героев войны, помогать ветеранам и их семьям и изучать славную историю наших Вооруженных Сил.

Командующий походом
«Курс—Победа!»
генерал-майор артиллерии
И. КНЫШ

Рисунки
А. Курушина

ТРОЙКА С МИНУСОМ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ПЯТОМ „А“

Ирина ПИВОВАРОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

Ирина Васильевна Залетаева пришла с работы, как обычно, ровно в шесть часов вечера. Она хотела было открыть дверь ключом, но передумала и позвонила. Она знала, что за дверью ждет ее дочь Анюточка, что она вскочит и побежит открывать ей дверь и для этого дважды звонить не придется.

Тр-р-р-к, — протрещал звонок. Ирина Васильевна улыбнулась, представив себе, как вскакивает со стула Анюта, как несет ей в переднюю тапочки.

Но страшное дело, Анюта и не думала торопиться.

Тр-р-рк, тр-р-рк, — нажала два раза подряд Ирина Васильевна.

Анюта не открывала.

Нервничая, Ирина Васильевна нажала на звонок третий раз... и когда дверь не открылась, Ирина Васильевна уже была уверена, что случилось что-то ужасное.

Быстро вытащила она из сумочки ключ и, волнуясь, сунула его в замочную скважину...

В квартире было тихо и темно. Дверь в комнату была прикрыта.

— Анюта, — позвала Ирина Васильевна. Никакого ответа.

Ирина Васильевна вошла в комнату.

В середине полутемной, сияющей чистотой комнаты стоял стол с черными ножками и блестящей коричневой полированной крышкой. В полированной поверхности стола отражалась синяя вазочка из чешского стекла и лежащие в ней крупные оранжевые апельсины. Мягко колыхались белые тюлевые занавески — форточка была открыта, по комнате разгуливал свежий воздух. Возле торшера с двумя маленькими бумажными абажурами — голубым и желтым, на широкой зеленой тахте под большим пуховым платком лежала Аня. Лица ее не было видно, оно было повернуто к стене.

«Что такое? В чем дело? Она спит? Почему она спит?» — вихрем пронеслось в голове у Ирины Васильевны, и она вспомнила, что позавчера тоже застала дочь спящей и тогда еще удивилась и встревожилась — Аня никогда не спала ни днем, ни под вечер, — а теперь вот, пожалуйста, опять...

— Анюта, — тихо позвала Ирина Васильевна, подходя к Ане и стараясь заглянуть ей в лицо. — Анюта, ты спишь?

Окончание. Смотри «Костер» №№ 9, 10.

Анины глаза были закрыты. Лицо у нее было бледное. На скулах горели лихорадочные пятна.

— Заболела, — ахнула Ирина Васильевна.

В тот день Тося Одуванчикова пришла в школу в полвосьмого. Ей не терпелось посмотре-

ть, лежит ли классный журнал на столе или не лежит.

Нет, классный журнал не лежал на столе. Зато в классе было как никогда в это время полно народу. В классе стоял гул. Во всех углах класса еще горячо обсуждалось позавчерашнее событие.

Но день прошел как обычно.

Отличался он от других дней только тем, что учителя, как и вчера, выставляли отметки не в журнал, а в тетрадку или просто на белый тетрадный листок.

После уроков к Тосе подошла Ира Сыркина. — Тося, у меня к тебе поручение от совета отряда, — сказала она. — Сходи сегодня к Ане, навести ее. И захвати с собой учебники, расскажешь ей новые уроки.

— А почему именно я? — удивилась Тося.

— Потому, что ты сидишь вместе с Аней за одной партой. А у нас в классе такой порядок — кто сидит с кем за одной партой, тот ходит к тому объяснять уроки.

У них в той школе тоже был такой порядок. Но только Тося сидела за одной партой со своей лучшей подругой Нинкой Кошкиной. Тося к ней приходила каждый день, даже когда та и не болела.

А теперь идти к этой Залетаевой!.. Да она ее даже в дом не пустит. Как Ира Сыркина не понимает?!

Алик вызвался идти вместе с ней, но Тося сказала, что пойдет к Ане сама и постарается как можно скорее отбарабанить заданные на дом уроки. А что Алик пусть через час ждет ее в скверике возле Аниного дома. И тогда уж они спокойно смогут обо всем поговорить.

Ой как не хотелось Тосе идти к Ане Залетаевой! Как не хотелось!

Еще подумает, что она к ней подлизывается!

Еще подумает, что она с удовольствием пошла! Только и ждала, чтобы к ней пойти! Только и мечтала!

Еще подумает, что она сама напросилась!

Подождав, пока Тося отойдет на порядочное расстояние, Агафонов отправился за ней. Зачем? Он не знал. Просто ему хотелось идти вслед за Тосей. А что, не имеет права, что ли, человек идти, куда ему хочется?

Тося Одуванчикова явно направлялась не к своему дому. Уж что-то, а где находится Тосин дом, Агафонов знал прекрасно.

Тося шла не спеша и помахивала себе портфелем. Агафонов шел следом.

Сначала он шел по другой стороне улицы. Он думал — вот она сейчас оглянется и увидит его.

«Вот еще! — думал Агафонов. — Это мне ни к чему! На кой это мне надо, чтобы она меня видела! Еще решит, что я за ней иду».

Но Тося и не думала оглядываться.

Спокойно и медленно шла она по улице и только портфельчиком помахивала взад-вперед, взад-вперед, взад-вперед.

Тогда Агафонов стал потихоньку приближаться. Сначала он перешел на ту сторону улицы, где шла Тося.

«А вдруг обернется?» — думал он.

Но она не оборачивалась.

«Ну и пусть оборачивается!» — отчаянно подумал он.

Но она не оборачивалась!

И тогда Агафонов, забыв всякую осторожность, пошел за Тосей почти вплотную. Отчаянное сердце Агафопова сжимало непонятное волнение.

«Вот дура, — думал он, — не может обернуться!»

Тогда он ускорил шаг и подошел к Тосе еще поближе.

А она все не оборачивалась.

Тогда полный отчаянной решимости он стал насвистывать какой-то мотивчик, сначала тихо, потом все громче и громче...

Но она не оборачивалась.

И тогда Агафонов решился.

Лихо надвинул свою драную кроличью шапку почти на самые глаза, поглубже засунул руки в карманы и, как торпедный катер на полном ходу, двинулся вперед на ничего не подозревавшую безмятежную Тосю Одуванчикову.

Тося охнула и отлетела в сторону.

— Дурак! — донеслось до Агафопова.

И столько неподдельного чувства было вложено в это нехитрое слово, что Агафонову стало не по себе.

Он обернулся. Тося синей варежкой стряхивала с воротника снег.

— Эй, ты! — сказал Агафонов. — Ты не очень-то! А то...

И лицо его по привычке само по себе вдруг скорчило такую угрожающую гримасу, что ему самому стало и тошно и противно.

— Дурак, — еще раз с сердцем сказала Тося и, не глядя более на Агафопова, и прищурив глаза, и подняв кверху свой прекрасный маленький нос, усеянный бесчисленным числом нежно-желтых микроскопических веснушек, надменно прошествовала мимо... Мимо оторопевшего и незадачливого, мимо поверженного в прах и совершенно раздавленного Тосиным величием Сергея Агафопова.

Остаток пути не был отмечен более никакими событиями. Понуры и совершенно потерявший форму Сергей Агафонов брел, не говоря ни слова, за Тосей Одуванчиковой, а она, Одуванчикова, шествовала впереди, и портфель ее мерно двигался взад-вперед, взад-вперед, взад-вперед, а брови ее были высоко подняты и гордый взгляд ее блуждал где-то в далеком незнакомом пространстве.

Так они дошли до большого серого дома. Еще шаг — и Тося скрылась в подъезде.

— Эй, ты, рыжая... — безнадежно сказал Агафонов в темную глубину подъезда, и тут обидное слово «дурак» в третий раз шлепнулось прямо в бесстрашное, но ранимое сердце Сергея Агафопова.

Сергей Агафонов вздохнул, повернулся к подъезду спиной и, подкинув в воздух свой долготерпеливый растрепанный до последней степени портфель, с такой ненавистью пнул его ногой, что бедное, ни в чем неповинное из-

делие кожгалантерейной фабрики имени Макарова, описав в воздухе громадную дугу, плавно опустилось на заснеженную крышу двухэтажного деревянного сарая, покорно

ожидающего своей очереди быть снесенным в третьем квартале текущего года.

— И-эх! — с чувством сказал Сергей Агафонов и полез на крышу сарая.

ТОСЯ В ГОСТЯХ У АНИ

Тося решительно протянула руку и нажала на звонок.

Перед Тосей стояла Аня.

— Здравствуй, — весьма робко выговорила Тося.

— Здравствуй, — тихо отвечала Аня.

— Ну, как, объяснять тебе? Или, может, ты не хочешь?.. Если ты не хочешь, ты скажи, я уйду... — забормотала Тося и нерешительно взглянула на Аню, ожидая, что она скажет, и даже взялась было за ручку двери на всякий случай...

— Как хочешь, — сказала Аня, опуская глаза и изо всех сил стараясь быть равнодушной. — Как хочешь. Если хочешь — уходи...

Собака лаяла и вертелась между ними в узкой прихожей, а они все стояли друг против друга, и Тося совершенно не знала, что делать. Аня, видно, только и хотела, чтобы она поскорее ушла. Она наверно ждала, когда наконец можно будет закрыть за нею дверь...

— Ну, я пошла, — сказала Тося, нажимая на ручку.

— Ну и уходи, — сказала Аня.

Что-то в ее голосе заставило Тосю насторожиться.

— Но, может, мне все же...

— Не надо, — хриповато сказала Аня. — Уходи.

Голос у нее был ужасно странный.

Тося взглянула на Аню повнимательнее. Что такое?.. Анины губы дрожали. Из правого глаза выкатывалась слезинка.

Тося не поверила своим глазам. Аня? Плачет?!! Что это с ней?

— Так я останусь, а? — сказала вдруг Тося. — Можно я останусь? Я тебе только уроки объясню и сразу уйду... Я быстро. Ты не бойся!

И вдруг вся нерешительность слетела мигом с Тоси, и она стала быстро-быстро раздеваться.

— Давай повешу, ты не достанешь, — ожившим голосом сказала Аня, беря в обе руки Тосино зимнее пальтишко. — А вот тапочки. Надевай, у нас знаешь как жарко?

— Давай, — сказала Тося, садясь на табуретку и стягивая теплые ботинки. — У нас тоже дома жара. И чего они так топят, а?

— Не знаю, — удивленно и даже радостно сказала Аня. — Прямо сама не понимаю, чего они так топят! Дышать нечем!

И они с Тосей посмотрели друг на друга и почему-то обе засмеялись, хотя как будто бы ничего смешного не было в том, что дома так топили, что от этого дышать было нечем.

— Пойдем, ты не стесняйся, — сказала Аня,

беря Тосин портфель и неся его в комнату. — Мы дома одни с Чапкой.

— А я и не стесняюсь, — весело сказала Тося. — Ты знаешь, я вообще не стеснительная.

И через минуту они уже сидели рядом за столом, и Тося старательно объясняла Ане домашнее задание.

Аня сидела и слушала.

«Я даже не спросила, чем она заболела, — думала про себя Тося, поглядывая на Аню. — Выглядит она ужасно, вон какие круги под глазами. Да, очень плохо она выглядит...»

«Сейчас кончит и уйдет, — думала Аня. — Кончит объяснять и уйдет... Тося, не уходи, пожалуйста. Я хочу рассказать тебе, Тося... Я все тебе расскажу. Только не уходи».

«И чего я на нее обижалась? — думала Тося. — Вот дура! Нашла на кого обижаться! Да она же очень хорошая... Да она замечательная! Вон какая бледная. И худая. И такие круги под глазами у нее... Выглядит она ужасно. Да нет, прекрасно она выглядит! Просто чудесно она выглядит!»

«...Не уходи, Тося, — думала Аня. — Пожалуйста, не уходи...»

— Ну, вот и все, — сказала Тося, поднимаясь. — Теперь я пойду, да?

Аня сидела и смотрела в окно.

— Тося, не уходи, пожалуйста, — вдруг тихо сказала Аня. — Если тебе не трудно...

— Ой, да мне совсем не трудно! — обрадовалась Тося. — Да я с удовольствием! Мне у тебя знаешь как нравится! — И она наклонилась и от всей души погладила по белой лохматой спине вертящуюся во все стороны Чапку.

— А давай чаю попьем! — сказала Аня. — У нас печенье есть миндальное и сушки с маком. Давай?

— Давай, — сказала Тося. И они пошли на кухню ставить чайник.

— Ну вот, — сказала Аня. — Вот... А нравится тебе наш кактус?

— Замечательный у вас кактус! — сказала Тося, притрагиваясь к кактусу, и тут же быстро отдернула руку.

Тут они обе неловко помолчали.

— А посмотри, какой у нас балкон, — вскакивая, сказала Аня.

— Потрясающий у вас балкон! — сказала Тося. — И вообще у вас такая квартирка уютная! Прелесть!

— А правда, у нас из окна красиво? — сказала Аня. — Вон там, видишь, парк у нас. А вон там, слева... нет, не туда смотришь... еще левее, — там драматический театр. Ты любишь в театр ходить?

— Люблю, — сказала Тося. — Ань, у нас в школе классный журнал пропал, представляешь? Сегодня учителя отметки на бумажку ставили.

— Да? — побледневшими губами сказала Аня.

— Ну да! — живо подхватила Тося. — Представляешь, вот бесовестный! Взял и не возвращает! Нина Петровна сказала, чтобы журнал через два дня был на месте, а этот и не думает его на место класть. И не положит. Даю тебе слово, что не положит.

— А про кого ты говоришь? — с большим трудом выговорила Аня. — Кто... не положит?

— Как кто? Да Агафонов, конечно! Кто же еще? Ведь это же он журнал стащил!

Тося вдруг прервала себя и испуганно покосилась на Аню. Аня пыталась налить в чашку чаю, но кипяток, брызгаясь, проливался.

— Дай, я налью, — сказала Тося. — Все-таки странная история, правда? Зачем Агафонову понадобился классный журнал?

И тут Аня Залетаева повернулась к Тосе Одуванчиковой. Ее лицо было белым как мел.

— Это вовсе не Агафонов. Это я взяла журнал, — сказала Аня.

И она повернулась и, путаясь в полах халата, пошла вон из кухни.

А бедная ошарашенная Тося так и осталась сидеть с раскрытым ртом и с застывшей рукой, в которой было зажато маленькое круглое миндальное печенье.

ТОСЯ, ПРОСТИ МЕНЯ!

Тося осторожно положила нетронутое печенье обратно в вазочку. Что такое? Может, она ослышалась?

Аня сказала что-то странное, что-то очень чудное... Пошутила?.. Но она была такая серьезная. И такая бледная...

Тося встала с табуретки. Чапка вертелась у ее ног.

— Чапка, это правда? — спросила Тося.

Но Чапка ничего не сказала. Тогда Тося взяла Чапку на руки и пошла за Аней.

Ани в комнате не было. Обеспокоенная Тося заглянула под тахту, под стол, потом она открыла двери в туалет и в ванную. Ани нигде не было.

Страшная мысль пришла Тосе в голову, и от

этой мысли у нее даже задрожали руки — вдруг Аня выпрыгнула из окна?

Она побежала обратно в комнату... Окно было заклеено, и даже форточка была закрыта.

Чапка царапалась в какую-то дверь в коридоре. Это, видно, была дверь кладовки.

Тося прислушалась. Из-за двери раздавался приглушенный плач.

Тося тихонечко постучала:

— Аня, открой, пожалуйста.

Но Аня не открыла, только плакать стала еще сильнее.

— Анечка, открой, — сказала Тося. — Ну, открой, прошу тебя. Ну, что ты там сидишь? Там же темно! — Тося уже потихонечку хлюпала носом, она не выносила, когда кто-нибудь плакал.

Ей отвечали только прерывистые Анины рыдания.

— А-а-ня! — проревела уже в полный голос совершенно расстроенная Тося. — Откро-о-ой сей-ча-ас!

Дверь кладовки стала медленно открываться. В двери показалось освещенное тусклой лампочкой зареванное и опухшее от слез Анино лицо.

— Я думала, ты ушла, — прерывающимся шепотом сказала Аня.

— Да что ты! — тоже шепотом сказала Тося. — Куда я уйду? Как же я тебя оставлю?

— Ты знаешь, мне даже легче стало, — сказала Аня. — Я даже не знаю почему. Ты не представляешь, как мне тяжело было!

— Еще как представляю! — горячим шепотом откликнулась Тося. — Я, знаешь, тоже один раз во втором классе у одной девочки плюшевого медвежонка стащила. Так мне прямо так тяжело было! Я прямо видеть его не могла, этого медвежонка! Я его теперь всю жизнь вспоминаю!.. А тут — классный журнал. Еще бы не тяжело!

— Вот видишь, какая я, — сказала Аня. — Ты наверно от меня такого не ожидала.

— Вообще-то, да, — честно призналась Тося. — Но только ты не плачь! — испугалась она, видя, что Анины глаза снова наливаются слезами. — Подумаешь, классный журнал! Чепуха на постном масле!.. Нашла из-за чего плакать! Ты мне лучше расскажи все по порядку. Ладно? Я все пойму. Ты не бойся.

Сидя на полу в темной прихожей и чувствуя рядом теплый Тосин бок, Аня все ей рассказала. Да, все она рассказала Тосе — и про Борино письмо, и про тройку с минусом, и про журнал.

И Тося только охала, слушая этот потрясающий рассказ.

«Господи, ну и дура же я! — думала Тося. — И чего я думала, что она вредная?! Да она такая хорошая, прямо ужас! И ничего удивительного, что Боря Дубов в нее влюбился. Она же просто замечательная!»

И Тося с преданной любовью смотрела на распухший и красный, как помидор, Анин нос, и на ее глаза, которые от слез стали совсем как щелочки, и на все ее такое жалкое и такое беспомощное сейчас лицо.

— Ерунда! — говорила Тося. — Ерунда! И чего ты так плакала? Да подумаешь, журнал, дело какое! Что его, обратно, что ли, нельзя положить? Вот уж чепуха на постном масле!

— Понимаешь, я не могу, — говорила ей Аня. — Я боюсь. Я теперь даже к школе близко подойти боюсь. Я даже из дома выйти боюсь. Мне кажется, все на меня смотрят. И потом, мне стыдно. Мне так стыдно, я даже тебе сказать не могу как!

— Знаешь что, — говорила Тося в великодушном порыве, — если ты боишься, я сама это сделаю, вот что. Да, да, я сама его обратно положу!

И Аня смотрела на Тосю, как смотрела бы наверное на ангела, если бы ангел вдруг откуда ни возьмись появился бы на свете и влетел бы, похлопывая белыми крылышками, в квартиру номер тридцать восемь и уселся бы рядом с Аней на полу в прихожей.

— Неужели ты это сделаешь? — говорила Аня.

— Сделаю, — говорила Тося. — Ты не беспокойся. Да это мне ничего не стоит. Вот пусти-ки-то — журнал на стол положить!

— А если кто-нибудь увидит?! — волновалась Аня.

— Да я так сделаю, что ни одна живая душа не увидит. Ты только не волнуйся!

— Тося, — говорила Аня... — Тося... — И она даже бросалась время от времени обнимать Тосю, так что той даже приходила в голову мысль: а не сошла ли Аня с ума от горя и переживаний? Так это было непохоже на Аню, что она вдруг лезла обниматься...

— Тося, — говорила Аня, — Тося, ты прости меня, что я была такая вредная.

— Да что ты, — с жаром защищала ее Тося. — Это ты меня прости! Это я вредная была! Прямо ужас, а не человек!

А потом они вдвоем вытащили из-под ванны завернутый в полиэтиленовый пакет классный журнал и всунули его в Тосин портфель.

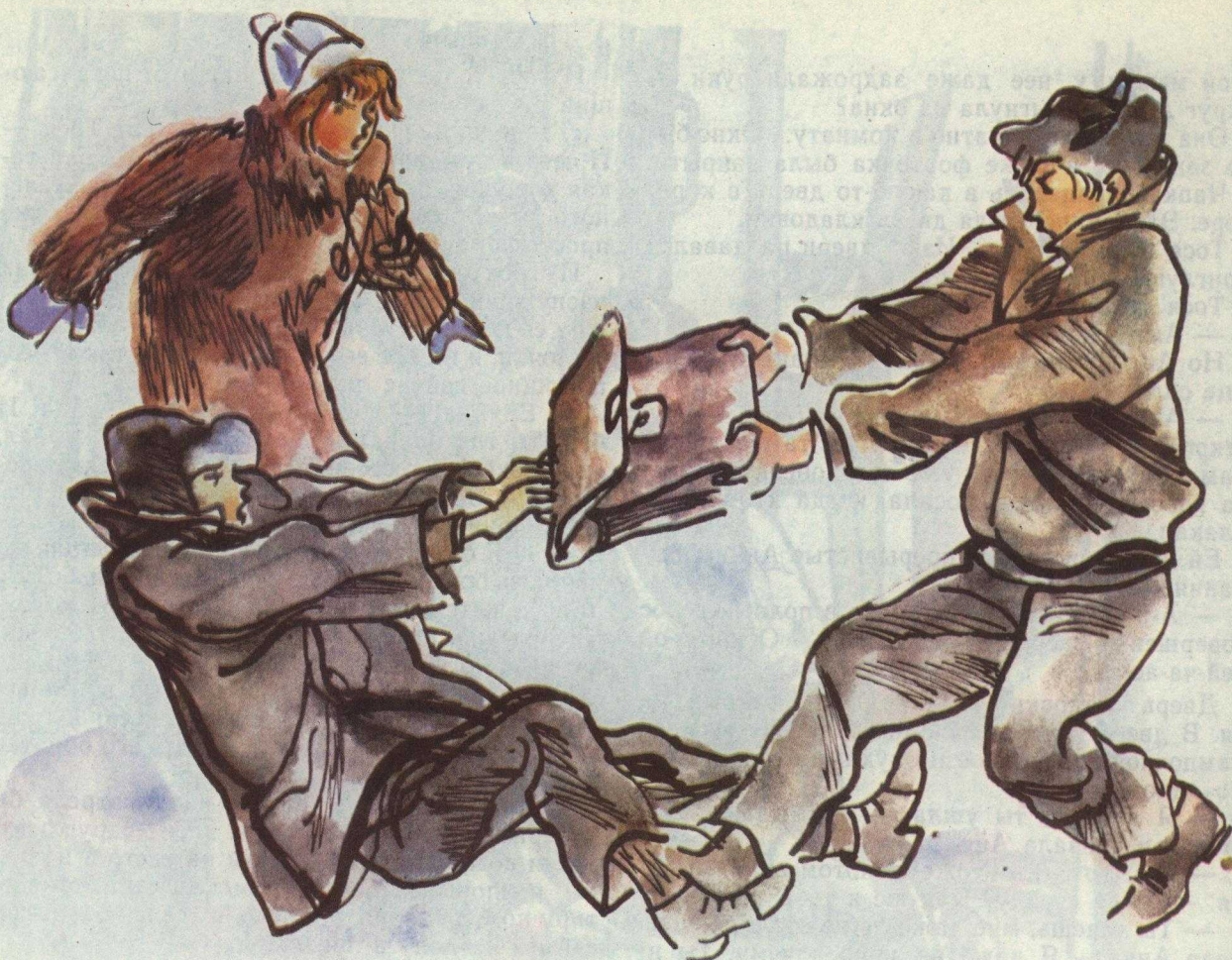
СЦЕНА С ПОРТФЕЛЕМ

Когда Тося Одуванчикова спускалась по лестнице, на сердце у нее было одновременно и весело и тревожно.

В глазах у Тоси все еще стояло заплаканное Анино лицо.

«Бедная Аня! — думала Тося. — Бедная! Бедная!» — и сердце ее сжималось от жалости.

...Посреди двора стоял Алик. Вид у него был совсем замерзший.

«Бедный Алик, — подумала Тося. — Бедный, бедный Алик!»

— Ну ты даешь, — услышала Тося. — Я тебя целых два часа жду! Я весь ооченел, пока ты там с «классной доской» рассиживалась. О чем это вы там могли беседовать?

«Так я тебе и сказала!» — подумала Тося. Но вслух произнесла: — Не сердись, Алик. Я уроки Ане объясняла. А потом мы с ней пили чай. И вообще она не «классная доска»! Зря ты ее так называешь.

— Что?! — удивился Алик. — А ты сама-то как ее называла?

— Мало ли что, — сказала Тося. — Может, я дура была. И вообще, она очень даже хорошая.

Эта незначительная фраза заставила Алика насторожиться. И ему даже захотелось обидеться, что он моментально и сделал.

— Очень интересно, — сказал Алик, надувшись, как индюк. — Я тут стою на морозе, а они чай распивают за моей спиной.

— Алик, ну, прости, — примирительно сказала Тося. — Пойдем, а?

— Может, теперь ты и дружить с ней начнешь?.. Давай-давай, дружи... — Похоже было, что он разозлился.

— И начну, — сказала вдруг Тося. — И тебя не спрошусь. Подумаешь, какой начальник нашелся!

Это решительное заявление несколько охладило пыл Алика Спичкина.

— Ладно, давай портфель, — сказал он примирительно. — Думаешь, легко на морозе два часа ждать?

И он протянул руку к Тосиному портфелю...

Алик всегда теперь носил Тосин портфель, но только когда знал, что никто из одноклассников этого не видел. Если ему казалось, что кто-нибудь видит, он сразу совал портфель обратно в Тосины руки. Да, такая странная особенность была у Алика Спичкина. И Тося охотно прощала ему эту странность. И она охотно разрешала ему носить свой портфель. И сейчас она хотела отдать его Алику, но спохватилась...

— Спасибо, — сказала Тося. — Не беспокойся. Лучше я его сама понесу.

Белые брови Алика Спичкина сошлись у переносицы.

— Как так «сама»? Почему это «сама»? Всегда не «сама», а сейчас вдруг «сама»? — Может, это Залетаева подговаривала Тоську против него, Алика Спичкина, чтобы она с ним не дружила? Все ясно. Так и было.

— А ну, давай сюда портфель! — сказал Алик. И он схватил Тосин портфель и изо всех сил потащил его к себе.

— Отдай, — закричала Тося.

Но Алик вцепился в портфель мертвой хват-

кой, как будто вместе с Тосиным портфелем хотел вернуть себе Тосину дружбу.

Кажется, пришла пора вмешаться третьему действующему лицу.

И третье действующее лицо, которое все это время сидело на крыше сарая, не замедлило вмешаться.

С громким криком «и-эх!» оно соскочило с двухметровой высоты и кинулось в атаку. Оно подскочило к обидчику и занесло над ним увесистый кулак.

— Отдай портфель! — угрожающе прорычало третье действующее лицо. — Ах ты, мошь бесхвостая!

И третье действующее лицо со страшной силой дернуло портфель в третью сторону.

И тогда бедный Тосин портфель, не выдержавший такого бурного натиска, раскрылся, и все, что там было — и тетрадки, и учебники, и пенал и... — ой, Тося даже глаза закрыла — классный журнал — все, все вывалилось прямо в снег.

Тося, как пантера, метнулась к журналу, укрывая его своей грудью от посторонних взоров, а третье действующее лицо не долго думая стало дубасить Алика Спичкина своими хулиганскими кулачищами.

— Я тебе покажу, как чужие портфели хватать! — приговаривало оно.

Бедный Спичкин совсем растерялся. Он часто заморгал белыми ресницами и даже закричал тоненько: «Мама!» А Тося не могла прийти к нему на помощь, потому что вынимала из снега журнал, и прятала его между учебниками и тетрадками, и засовывала потом обратно в портфель.

Но зато уж потом...

— Алик, держись! — закричала она. И она разбежалась и так поддала Агафонову головой в живот, что тот даже отлетел.

— Вот тебе, — сказала Тося. — Дурак, хулиган. Пойдем, Алик.

И она схватила бедного Алика за руку и потащила его скорее подальше.

— Так я же... — хотел ей вдогонку сказать Агафонов, но почесал только ушибленный живот и так ничего и не сказал.

Не умел говорить Сергей Агафонов. Плохо он умел выражать свои мысли. А если бы умел он их выражать хорошо, то вот что он сказал бы вдогонку Тосе Одуванчиковой:

— Так я же хотел, как лучше! Эх ты, дура ты, дура! Ничего-то ты не поняла!

А Одуванчикова и Спичкин быстро удалялись. И эта мошь бесхвостая, этот портфель-носец время от времени поворачивался и грозил издали кулаком ему, лучшему драчуну всего пятого класса «а» Сергею Агафонову.

ВОТ ЭТО НОМЕР!

Некоторое время Тося и Алик шли молча. Алик оборачивался и устрашающе грозил вслед Агафонову кулаком, что должно было несомненно означать: «Ты еще у меня поплачешь!» А Тося шла и думала о своем.

Очень волновала ее одна вещь. Она не знала, она никак не могла понять, заметил ли кто-нибудь выпавший из портфеля классный журнал? Эта мысль не давала ей покоя.

«Заметили или не заметили?»

Тося искоса взглянула на Алика. Воинственный пыл Алика все увеличивался, по мере того как увеличивалось расстояние между ним и Агафоновым. Лицо у Алика становилось все злее, а складка между белых бровей все более решительной.

— Зря ты вообще в это дело вмешалась, — вдруг сказал Алик. — И кто тебя просил?

— Что-что? — Тося поняла не сразу, мысли ее витали вокруг классного журнала.

— А то! — сказал Алик. — Не надо было мне мешать, вот что! Если бы не ты, я бы так излупил его! От него мокрое место бы осталось!..

— А-а, — сказала Тося рассеянно.

«Видели или не видели? Видели или не видели?»

— Ну, ничего, — сказал Алик. — Вот когда я его разоблачу, он еще у меня попляшет!

«...Видели или не видели? — думала Тося. — Заметили или нет?»

— Алик, — вдруг решила спросить она. — Скажи честно, ты все знаешь?

«Про что это она?» — подумал Алик. Но вслух сказал на всякий случай и сделал очень важное и таинственное лицо:

— Может, кое-что и знаю.

— А что ты знаешь? — безразлично спросила Тося.

— А все знаю, — сказал Алик. — Я все знаю, ты не думай.

— Так значит, ты видел? — большие голубые Тосины глаза с тревогой поглядели прямо в глаза Алика.

— Еще бы, — сказал Алик. — Я все вижу, не беспокойся.

Тося побледнела.

— Алик, — сказала она с усилием, — а ты никому не скажешь?

Тут Алик слегка растерялся.

— Не скажу, — сказал он нерешительно.

«Что же это она имеет в виду? — подумал Алик. — Про что это она?» Но, как настоящий сыщик, виду не подал.

Лицо Тоси было необычайно серьезно.

— Клянись! — сказала Тося.

— Клянусь! — сказал Алик.

Тося вздохнула с облегчением.

— Я так и знала, — сказала она. — Я знала, что ты меня не выдашь... Вот, носи его, — сказала она и дала ему свой портфель.

Алик взял портфель. Он был совершенно

сбит с толку. Он нес портфель и ничего не понимал.

— Алик, — сказала вдруг Тося. — А ты не можешь мне его обратно положить? Ты знаешь, я боюсь ужасно. У меня прямо руки и ноги трясутся.

«Про что это она? — опять подумал Алик. — Что обратно положить? Почему у нее руки и ноги трясутся? Ничего не понимаю!»

Он посмотрел сбоку на Тосю, и вдруг одна странная мысль пришла ему в голову:

«А что, если...? Что, если это она про журнал, про пропавший классный журнал говорит?»

От этой мысли у Алика даже пересохло в горле. И он остановился как вкопанный.

Ну, конечно, конечно она говорит про классный журнал, про что же еще? И как же это он сразу не догадался?

— Тоська! — закричал он. — Так, значит, журнал у тебя?

— Какой журнал? — Тося остановилась.

— Да журнал, классный! Ты ведь сейчас сама призналась, что он у тебя!

— Я?.. Призналась? — вдруг тихо сказала Тося. И она быстро вырвала у Алика свой портфель. — Ничего я не признавалась. И чего ты выдумываешь? Какой-то журнал... Ничего у меня нет.

И тогда Алик Спичкин, как настоящий сыщик, пошел на хитрость.

— Да я же поклялся! — сказал он. — Ты не бойся, я никому не скажу — у тебя он или не у тебя?

Тося остановилась и поглядела долгим-долгим испытующим взглядом на Алика.

— Нет у меня никакого журнала! — громко и решительно сказала Тося. — И вообще я тороплюсь. Пока.

И она повернулась и пошла. А Алик Спичкин так и остался на месте стоять.

«Вот это номер! — думал Алик Спичкин. — У нее журнал! У нее! Провалиться мне на этом месте! И как же я сразу не догадался?!»

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Приближался Новый год. Приближалась елка в институтском клубе. Но Боря Дубов думал теперь о предстоящей елке без всякой радости.

«Она не придет, — думал Боря Дубов. — А если и придет, то ни за что не станет со мной разговаривать. После этой встречи в столо-

вой... Да она же совершенно теперь убеждена, что я полный дурак».

И тогда Боря Дубов взял да и поехал на Молодежную улицу.

Маленький скверик перед домом номер два был пуст. Но на лавочке сидела какая-то девочка. И что-то чертила по снегу веткой.

Прямо перед Борей был подъезд тридцать восьмой квартиры. Боря приготовился ждать.

«Через полчаса она будет возвращаться из школы, — думал Боря. — Это если у них пять уроков. А если четыре, то тогда она дома. И может быть, она пойдет в магазин... Или еще куда-нибудь. Она выйдет на улицу, и тогда я к ней подойду».

Девочка, сидевшая на лавочке, медленно подняла голову и вдруг вскочила.

«Ой, кто это? — подумал Боря. — Да ведь это же!..»

Перед Борей Дубовым стояла Аня.

— Привет, — растерянно сказал Боря.

— Здравствуй, — еле слышно сказала Аня.

Они шли по зимней московской улице. Они шли и разговаривали. Судя по выражению их лиц, разговор у них был серьезный.

— Вот видишь? — печально и тихо говорила Аня. — Разве можно по фотографии о человеке судить? Ты думал, что я в шахматы играю, что я книжек много прочитала, что у меня друзей много, а это ведь все не так, совсем все не так. И в шахматы я не умею играть, и друзей у ме-

ня нет никого. И в классе меня зовут «классной доской». И я совершила такой ужасный поступок... Разве ты мог бы по фотографии подумать, что я могу такое совершить — украсть классный журнал?! Разве тебе только могло в голову такое прийти, когда ты на фотографию мою смотрел? Ведь правда же не могло?..

— Не могло, — сказал Боря.

— А знаешь почему? — сказала Аня. — Потому что на фотографиях все хорошие. А вот в жизни... Ведь ты же знаешь — я украла классный журнал! Я ужасная, ужасная!!!

Тут Бору остановился и посмотрел на Аню.

— Неправда, — сказал Боря. — Ты не ужасная. Это неправда! Я думаю... я думаю, что ты просто ошиблась. Ведь ты же человек. Все люди могут ошибаться...

— Нет, — печально сказала Аня. — И я больше не могу так жить. Сейчас я пойду и во всем сознаюсь.

— Но ведь теперь уже все в порядке! — сказал Боря. — Журнал на месте. Зря ты так переживаешь!

И тут Аня остановилась.

— Мне надо в другую сторону, Боря. До свиданья. Я иду в школу.

АЛИК СПИЧКИН ПОДНИМАЕТ РУКУ

А в школе между тем происходили вот какие события.

Тося Одуванчикова, придя в класс ни свет ни заря, выдвинула ящик учительского стола и, воровато озираясь, сунула в него классный журнал. Потом пулей выскочила из класса и бросилась в пионерскую комнату, которая находилась на втором этаже.

К счастью, пионерская комната оказалась открытой. Тося вбежала в нее и дрожащей рукой закрыла дверь на крючок. Потом, отдуваясь как паровоз, она села на стол, где были разложены изделия кружка «Умелые руки». Еще немножко — и пластилиновый пионер, вылепленный учеником третьего класса Перепетуевым Валентином Ивановичем, как гласила табличка, висевшая у пионера на шее, оказалась бы просто куском пластилина. Тося испуганно поправила покосившегося пионера и стала ждать.

Так ждала она и смотрела то на вышитые салфетки, то на часы, а потом на дощечки, оформленные художественным выжиганием (по дощечкам ходили рогатые олени), а потом снова на часы, и наконец, только на часы, только на большую стрелку часов, которая медленно и постепенно подползала к началу урока... И когда часы показали двадцать минут девятого, Тося зашевелилась и стала слезать со стола с экспонатами, причем оказалось, что она сидела прямо на белой салфеточке, обвязанной кружевами и вышитой розами.

Тося расправила руками это помятое художественное изделие и робко выползла из пионерской комнаты.

Когда она вошла в класс, Гвоздева и Собакина бросились к ней и чуть не сбили ее с ног. Они схватили ее за обе руки и потащили упирающуюся Тосю к учительскому столу.

— Журнал... Нашелся... — прерывистыми от волнения голосами сообщали они ей по дороге. — Вон лежит... Гляди.

— Ну и что? — говорила Тося, стараясь казаться равнодушной. — Подумаешь! Что я, журнала не видала?

— Как?!! — Гвоздева и Собакина разом выпустили Тосю и поглядели на нее как на сумасшедшую.

— Да ты что?!! Во дает! — сказали они, поглядев друг на друга. И они оставили Тосю в покое и бросились в правый угол класса, где горячо обсуждалось возвращение журнала и где толстый Петя Федоров, первым вошедший сегодня в класс, с покрасневшим лицом, со слезами на глазах клялся и давал честное слово, что это не он положил журнал в учительский стол, а Нина Сорокина в сотый раз рассказывала, как она полезла в стол за мелом, смотрит, а он... лежит...

Агафонова, между прочим, еще в классе не было, и те, кто имел подозрения на Агафонова, недоуменно пожимали плечами.

— Ну, что, разоблачил? — спрашивал почти каждый у Алика Спичкина, на что Алик с таинственным видом отмалчивался.

Все ждали начала урока. Первый урок был «русский язык».

И вот...

Зазвонил звонок, и в класс вошла Нина Петровна.

Подойдя к столу, она взяла в руки журнал, внимательно перелистала его и только потом, взглянув на ребят, произнесла:

— Здравствуйте, ребята. Садитесь.

Все ожидали, что еще что-нибудь скажет, но Нина Петровна как ни в чем не бывало начала урок.

Это несколько разочаровало учеников пятого «а». Но когда за несколько минут до окончания урока Нина Петровна вдруг произнесла: «Ребята, сегодня после уроков состоится классное собрание. Попрошу вас не расходиться», — пятый «а» снова заметно оживился.

Нина Петровна ушла в учительскую.

Под мышкой она несла классный журнал.

По дороге ей попался Агафонов. Вид у него был, как всегда, непроницаемый.

«Спасибо тебе, — благодарно подумала Нина Петровна, — все-таки у тебя есть совесть».

...Когда Нина Петровна снова вошла в класс, все уже чинно сидели по своим местам. Никто не вертелся, не шушукался, и даже Гвоздева с Собакиной не шептались, как всегда, а смотрели возбужденными глазами на Нину Петровну, словно хотели сказать: «Ну, скорее, скорее... Давайте же скорее начнем собрание! Давайте же скорее все узнаем!»

Нина Петровна оглядела притихший класс. На всех лицах было написано волнение, любопытство и напряженное ожидание.

Место Ани Залетаевой пустовало.

«Жалко, что старосты нет, — подумала Нина Петровна. — Не вовремя она заболела».

Тося Одуванчикова выглядела неважно. Обычно такая веселая и румяная, сегодня она была бледной и подавленной.

— Ну, что ж, начнем, — сказала Нина Петровна. — Итак, ребята, пропавший журнал нашелся. Вот он лежит на столе. Я очень рада, что он нашелся. И все же, ребята, я бы хотела знать, кто из вас положил его на стол.

В классе стояла тишина. Слышны были сквозь закрытые окна отдаленные звонки трамваев и бой вокзальных часов.

— Я жду, ребята, — сказала Нина Петровна. Она глядела на класс. Ученики пятого «а»,

оборачивая головы, глядели друг на друга. Все ждали — вот поднимется чья-то рука. Вот вот кто-то сознается... Некоторые, не таясь, глядели на Агафонову.

Сама Нина Петровна из всех сил старалась не глядеть на Агафонову. Она глядела на Петю Федорова, у которого от возбуждения пылали уши, на Гвоздеву с Собакиной, которые вертелись как на иголках, на такого важного и торжественного сегодня Алика Спичкина, на Тосю Одуванчикову, которая и в самом деле выглядела сегодня совсем плохо, ходила, наверно, навещать Аню, уж не заразилась ли от нее?.. На Агафонову она старалась не глядеть, но волей-неволей взгляд ее раза два коснулся его скуластого непроницаемого лица.

Агафонов глядел в окно.

«Ну, подними, пожалуйста, руку, — мысленно молила его Нина Петровна. — Ну, сознайся. Ну, что тебе стоит? Ведь тебе же будет лучше, если ты сознаешься...»

Но Агафонов и не думал сознаваться. Он все глядел с безразличным видом в окно.

Молчание становилось уже просто невыносимым.

— Так. Никто не сознается, — сказала Нина Петровна. — Это очень жалко. Честно говоря, я была уверена...

И тут весь класс обернулся, как один человек — руку поднял Алик Спичкин.

«Алик, погоди, — захотелось крикнуть Нине Петровне. — Погоди! Пусть он сам сознается!»

— Я знаю, кто это сделал, — отчеканивая каждый слог, сказал Алик. — Этот человек сидит здесь, в классе.

Все большими глазами глядели на Алика. Но Алик молчал.

— Ну, кто, кто? Говори скорей! — не выдержала Гвоздева.

Многие повернулись и, уже не стесняясь, в упор смотрели на Агафонову. Агафонов оставался невозмутим.

— Вы хотите знать, кто этот человек? — сказал Алик. — Это Одуванчикова.

Все взгляды, все, как один, устремились на Тосю, и под этими взглядами Тося Одуванчикова вся как-то сникла и съежилась за партой, и даже яркие ее волосы как будто бы вдруг сразу поблекли.

КТО ВЗЯЛ ЖУРНАЛ

В классе стояла гробовая тишина.

На Алика никто не смотрел. Все смотрели на рыжий затылок Тоси Одуванчиковой, который опускался все ниже и ниже.

Агафонов тоже уже не смотрел в окно. Лицо его, только что бывшее абсолютно непроницаемым, приняло вдруг растерянное и даже жалкое выражение. И он с пораженным видом, как и все, глядел в Тосину спину.

А Тосина спина все сгибалась и сгибалась, и наконец совершенно согнулась за партой в три погибели.

Нина Петровна постепенно приходила в себя.

— Тося, это правда? — наконец выговорила она.

Тося молчала. Крупные слезы уже падали из ее глаз.

— Мы с Одуванчиковой дружили, — сказал Алик. — Но я думал, что она честный человек. А она...

— Да заткнись ты! — неожиданно грубо оборвала его Гвоздева. — Без тебя разберутся!

СЕГОДНЯ — ШКОЛЬНИК, ЗАВТРА — ТРАКТОРИСТ, СТРОИТЕЛЬ, ХУДОЖНИК...

Вы уже пережили это удивительное ощущение, когда кажется, что можешь все, стоит только как следует захотеть, ну и чуть-чуть подучиться? Но идет время, вот уже тебе 14 лет, 15, 16, и что такое? Чем становишься взрослее, тем яснее понимаешь, что не можешь ничего.

Однако не нужно отчаиваться. Такое бывает со всеми. Поэтому давайте оставим унылые мысли, уж лучше будем думать как в детстве — я могу все. И поставим перед собою конкретную цель.

Но и это ведь только начало дела. К цели можно двигаться со скоростью реактивного самолета, можно ползти ползком... Как увеличить скорость? Есть только один способ — ставить перед собою промежуточные цели и решать их методично и неуклонно.

Вы смотрите, кончается пятилетка. Пять лет, большой ли срок? А сколько сделано! Начат БАМ, в разгаре строительство КамАЗа, запущен в серийное производство мощный трактор К-701, сколько открытий в науке!

Ты скажешь, что эти большие дела вершили совместно тысячи и тысячи людей. Верно! Но вершили они их только потому, что каждый из этих тысяч сам, лично достигал своей цели. Один становился шофером-асом, второй — знаменитым геологом, открывшим месторождения полезных ископаемых на трассе БАМа, третий после мучительных поисков находит наконец решение научной проблемы.

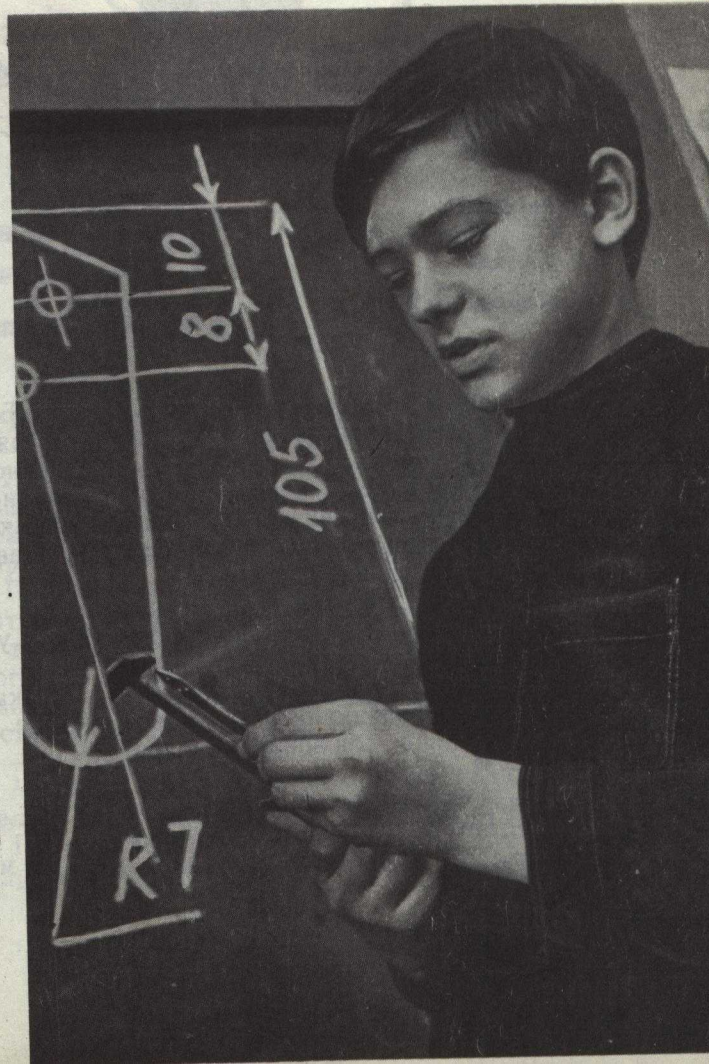
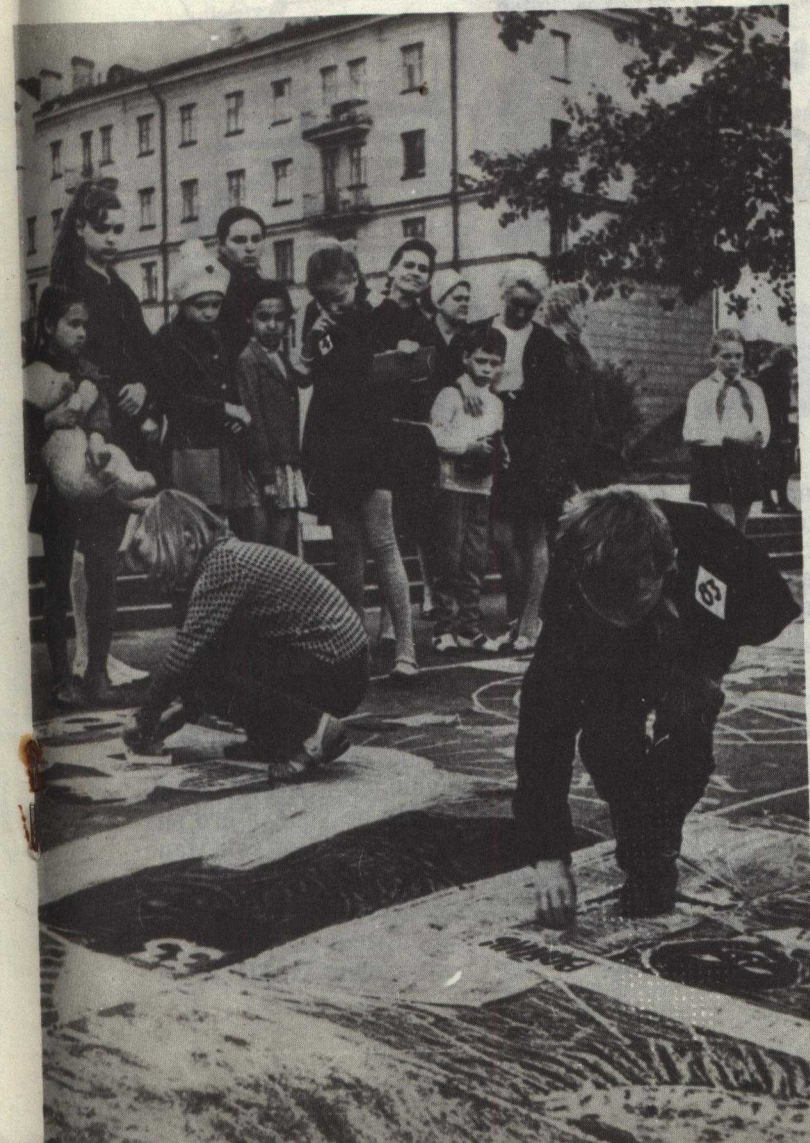
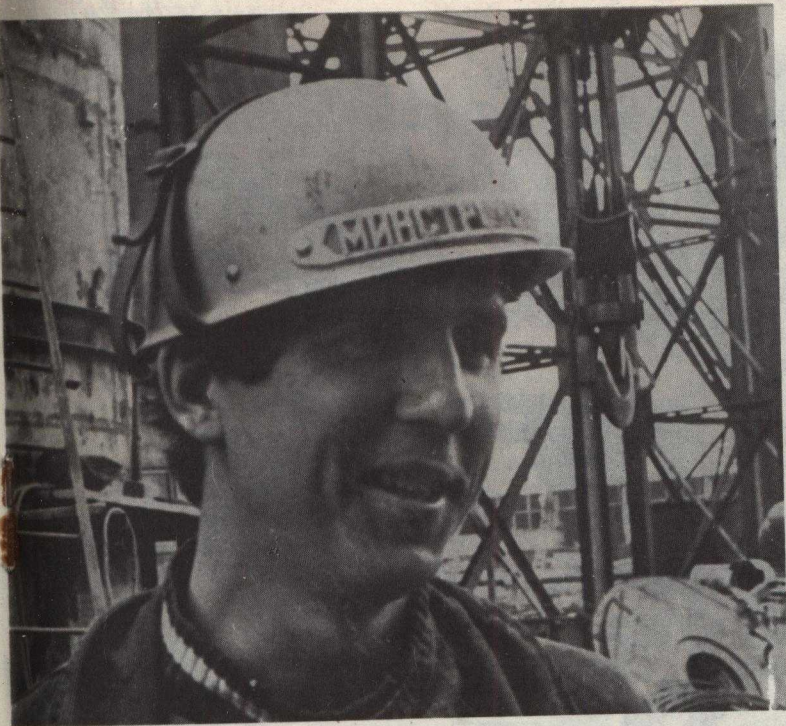
Почему им это удалось? Потому что они методично и упорно шли к своей цели. В школе и в ПТУ они добивались решения самой каверзной задачи. Взявшись изучать мотор, они изучали его досконально. Они носили рейки за геодезистами и заочно изучали геодезию в институтах, сами становясь специалистами. И когда они возвращались после далекого тяжелого рейса, их встречали цветами и фотографировали с детьми в кабине их безотказной машины.

Кто они? Они те, чьими усилиями пятилетка и вся наша жизнь идет вперед. Они те, кто умеет достигать цели.

Взгляни в их лица! Это твой завтрашний день. Ибо осталось не так много времени, когда и ты встанешь к станку, кульману или штурвалу.

Фото Е. Иванова, И. Потемкина и Э. Хакимова

РАССКАЗ

Сергей НОВИКОВ

МАКАРКА,

Хмурым зимним утром в село Старая Бена-
радка неожиданно нагрянул Чапаев с отрядом
конников. Весть о его появлении мгновенно об-
летела все село. Вечером к Василию Ивановичу
ввели мальчугана с вихрами нечесанных во-
лос. Паренек волчонком глядел на Чапаева и
вдруг неожиданно выпалил:

— В отряд к тебе хочу... Возьми, а?

Глаза его, не мигая, твердо смотрели в упор
на Чапаева.

Комдив переглянулся со своими конниками,
губы его раздвинулись в лукавой улыбке.

— Как же тебя зовут, молодец?

— Макарка...

— А сколько же тебе лет?

— Пятнадцать..

— А ну как не пустит тебя батька ко мне?

— Сирота я, — буркнул, насупившись, Ма-
карка. — Батьку беляки убили, мамка от тифа
померла...

Чапаев задумчиво покрутил усы. На лицо его
точно тень набежала. Он еще раз цепко взгля-
нул на паренька, и вдруг глаза его снова
вспыхнули озорным огнем.

— Слушай мою команду! Подвал видишь?—
указал концом плетки на дверь, за которой на-
ходился подвал. — Считаю секунды.

Паренек, круто рванувшись с места, стрем-
глав кинулся к подвалу. Но не успела его вих-
растая голова исчезнуть за дверью, как Чапа-
ев выхватил наган и выстрелил вверх.

И в то же мгновение прозвучала его отры-
вистая команда:

— Ко мне!

ЮНЫЙ ЧАПАЕВЕЦ

Рисунки
А. Аземши

Растрепанный мальчуган пульей вымахнул из подвала и в несколько прыжков очутился снова около Чапаева.

Василий Иванович с самым серьезным видом распахнул зипунишко паренька и приложил свою руку к груди, где билось Макаркино сердце.

— Добро... Молодец, Макарка!

Чапаев пронизательно глянул на него.

— Ну, а чем, Макарка, думаешь быть полезным Чапаю?

— Я на коне могу сидеть, как захочу, — с достоинством отвечивал Макарка.

— Гоже, — одобрил Чапаев. — Где же ты научился ездить верхом на коне?

— А в ночном...

— Подходяще...

Чапаев сказал своему ординарцу:

— Петька! Хлопцу дать коня со сбруей!

И прижился Макарка в дивизии, будто в родной дом вошел. Полюбил его кавалерист конной разведки Лопарь. Он снял мерку с ног Макарки и сшил ему хромовые сапожки.

Подарила ему и пулеметчица Маруся узорчатую вышитую бархатом подстилку на седло. А тут совсем задохнулся от счастья Макарка, когда ординарец начдива Петька подвел оседланного конягу, черного, гладкого, с белой отметиной на лбу.

— А ну, сигай на коня!

Макарка в пружинистом прыжке легко взлетел на седло, подхватил на лету поводья.

Петька гикнул, поднял коня на дыбы. А Макарке хоть бы что. Он будто врос в седло. По-

том рванул поводья, ударил ногами по бокам коня, и тот помчал седока бешеным галопом.

Петька доложил Василию Ивановичу:

— А пацан наездник лихой. В седле держится ловко, привычно.

Чапаев пригладил усы, сказал:

— Не обманул, постреленок, правду сказал. И добавил:

— Пушай ко мне придет...

Макарка отвел коня к кормушке и пришел к Чапаеву.

— Возьми меня, батька Чапай, к Вихорю в конную разведку, — попросился он. — Я в темноте все вижу не хуже кошки. И на коне куда хошь уйду...

— Ну и настырный же ты, Макарка, — усмехнулся Чапаев. — Ладно уж, пусть будет по-твоему...

Суматошная началась Макаркина жизнь в конной разведке. Ночью ли, днем, а то больше всего на рассвете Макарку будили осипшие, потревоженные голоса разведчиков. Хлопали двери, и в помещение набивалось людей полным-полно. В облаке сизого махорочного дыма слышались говор, смех, спор.

Зычный окрик батьки Вихоря обрывал беспорядочный гвалт:

— По коням!

И точно ветром сдувало конников из избы. За окнами слышался цокот копыт, и непривычная тишина наваливалась на Макарку... Он вскакивал с бьющимся сердцем с койки, бросался к окну. Тоскливо и обидно становилось!

Куда они умчались? Почему Вихорь не берет его с собой? Разве он не знает, что батьку Макарки убили беляки и как он, Макарка, хочет отомстить за своего отца?

Начальник конной разведки Вихорь — сухопарый, плечистый дядька. Брови крутые, с изломом, глаза с искрой, светлые, пронизывающие. Серая барашковая шапка набекрень.

Сунулся как-то Макарка к нему.

— Пошто, батька Вихорь, не берешь меня в разведку?

Вихорь посмотрел на Макарку пронизывающим взглядом, точно пригвоздил его к месту.

— Обожди, малец. Не лезь поперед батьки в пекло. Обвыкни малость...

И однажды начальник конной разведки Вихорь спешно вызвал к себе Макарку.

— По вашему приказанию Макар Точинов явился. Разрешите войти?

— Заходи, Макарка... Садись...

Вихорь сидел за кухонным столом рядом с Лопарем и, старательно приглаживая волосы, продолжал прерванный разговор.

— Стало быть, так... Надо разведать деревеньку Сормовку. Сдается мне, что белоказики окопались там. Но, понимаешь, — поморщился он, — взрослого туда опасно посылать. Надо бы толкового, смекалистого хлопца подобрать.

— Пошли меня, батька Вихорь, — вмешался вдруг Макарка. — Я маленький, на меня никто не обратит внимание...

— То-то, что маленький ты, — задумчиво пробормотал Вихорь. — Это да... — И переглянулся с Лопарем.

Тот хмуро скосил глаза на паренька. «Как бы не погиб малец», — пронеслось у него в голове.

— Я везучий, дядька Вихорь, — продолжал настаивать Макарка.

— Ну что же, — тяжело вздохнул Вихорь. — Значит, так...

Он свернул самокрутку, жадно затянулся дымом и, подумав, продолжал:

— Пойдешь, Макарка, в эту деревню Сормовку на рассвете. Пойдешь ложиной, через сельское кладбище и дальше рощицей... там речушка будет маленькая, вброд ее перейдешь и до задворок доберешься...

Вихорь повернулся к Лопарю.

— А твоя забота — костюм подобрать хлопцу подходящий — одежонку самую захудалую. И какие-нибудь опорки похуже на ноги.

Лопарь невесело кивнул. Он давно успел привязаться к мальчугану и теперь очень не хотел подвергать его опасности.

Но Макарку не проведешь. Он видит, как не хочется Лопарю отправлять его в деревню, занятую белоказаками. Но он все равно пойдет, у него уже созрел свой план действий.

— Мне нужен кнут, только подлиннее...

— Какой кнут? — удивился Вихорь.

— Обыкновенный, какой у пастухов есть.

— Зачем?

— Надо. — уклончиво отвечал Макарка. — Дурить буду белоказиков.

Вихорь опять переглянулся с Лопарем. Засмеялся.

— Ладно, достанем тебе.

Моросил нудный, почти невидимый дождь. Ночные сумерки растворялись перед наступающим блеклым утром.

Макарка, придерживая сползающий с плеча зипун, прошмыгнул мимо сельского кладбища. Дождь шелестел в листья, казался Макарке звуками чьих-то преследующих шагов.

Рощицу проскочил бегом, перешел вброд речку. Ноги в худых башмаках сразу стали мокрыми. Но Макарка не обращал на это внимания. Он пробрался незамеченным к задним дворам изб и притаился возле баньки.

Небо прояснилось от туч. В курятнике, просыпаясь, завозились куры. Макарка осторожно выглянул на улицу. С коромыслом на плечах прошла женщина к колодезю. Послышался где-то звук пастушеского рожка.

Макарка беспокойно задвигался. Что делать? Куда пойти? После недолгого размышления решил постучаться в первую избу.

Подождал к темному крылечку, звякнул щеколдой. Дверь открыла пожилая женщина с усталым лицом. Она подозрительно оглядела

паренька с ног до головы, отрывисто спросила:

— Чего надо?

— Пустите, тетенька, воды испить, — жалобно протянул Макарка.

— Откуда такой взялся?

— С мамкой по избам ходим, выменять хлеба. Из города мы...

— Ну проходи, коли так... — Хозяйка уже смотрела на мальчугана почти с состраданием. — Это что же делается? Война идет... белоказаки кругом, а вас леший несет хлеб менять...

— Помирать, тетенька, с голоду тоже неохота, — буркнул Макарка, а сам насторожился. Неспроста, видать, хозяйка обронила слово о белоказаках! Ясно, здесь они.

Стараясь не наследить, он долго вытирал ноги о порог. В избе душисто пахло хлебом.

Макарка притворился напуганным.

— А нас с мамкой не сцапают здесь казаки? — спросил он оробевшим голосом.

— А кто их знает... — вздохнула женщина. — У нас в деревне только хозвзвод белоказачков остался, а так все выехали...

Она засуетилась, налила из кринки молока, подала Макарке ломоть хлеба.

— Накось, испей молочка... Голоден небось...

Макарка протянул руку за чашкой, но в это время кто-то затарабанил в ставню:

— Отчиняй!

Она выглянула в окно, побледнела. Молоко расплескалось в кринке.

— Казаки...

— Не пугайтесь, тетенька, — тихо проговорил Макарка, кинул быстрый взгляд на верх печки и, увидев на лежажке голову спящего малыша, прибавил. — Я на полати заберусь, ежели спросят, я тоже твой пацан буду...

Женщина только махнула рукой, а Макарка уже в два прыжка вскочил на полати. Там было тепло и пахло кислой овчиной.

В избу вошли казаки. Звеня шпорами, они присели на скамью, поснимав с голов папахи.

Сверху Макарке было хорошо видно всех шестерых.

— Не сумлевайся, хозяйка, худого не сделаем, только опохмели нас, — сказал казак, вставший у печи. — Все горит в глотке после вчерашнего...

— Последнее выпили вчерась, — запричитала хозяйка каким-то тонким голосом. — Немного бражки только и осталось...

— Нам и бражка не повредит, — разглаживая усы, оживились казаки.

Хозяйка принесла банку, загремела стаканами.

— Это што, твой хлопец на печке дрыхнет? — спросил кто-то из казаков.

— А то чей же, — отмахнулась хозяйка.

Казаки дружно приложились к бражке, зацокали одобрительно языками.

— Кушайте на здоровье, — егзила хозяйка.

— Благодарствуем за угощение!

Снова затопали коваными сапогами непрошенные гости. Хлопнула, закрываясь за ними,

дверь, и Макарка услышал возмущенный возглас хозяйки:

— А что б вам ни дна ни покрышки!

Макарка спрыгнул с полатей, смущенно пробормотал:

— Уж так получилось... извиняйте...

Хозяйка пристально взглянула на Макарку, покачала головой.

— Пойду я, — насупился Макарка. — Мамку искать. Только бы не наскочить на этот хозвзвод... на склад ихний...

— Ты молочка-то испей, сердешный, склад ихний на том конце деревни, изба под железную крышу. — Хозяйка снова пристально и в упор взглянула на Макарку.

— Спасибо, тетенька...

— Обожди... — Хозяйка наклонилась совсем близко к Макарке, спросила чуть слышным голосом: — А ты сам-то не с той ли стороны, от красных, пришел?

Макарка промолчал, незаметно усмехнулся.

На большом бревне у завалинки, возле складского помещения сидело несколько белоказачков, жмурясь на солнце и подставляя ему шею и спины. Дымили сигарками и лениво перебрасывались словами.

Невдалеке послышался щелчок кнута. Вскоре к завалинке подошел Макарка.

— Дяденьки военные! — загундосил он. — Не заблукалась ли тут корова черно-белой масти. Может, кто видел, скажите...

— Спыхватился! — рассмеялся чернобородый, срезая саблей репейник. — Мы твою корову на шашлык извели. Гы-гы...

— Добрый шашлык получился, — подхватил другой казак.

— Зачем, дядьки, смешки строите? — негодовал Макарка, охватывая взглядом двор с навесом, где находились орудия и пулеметы под чехлами.

— Ах ты, пороссячий хвост, еще голос подавать будешь! — взвыли разъяренные голоса. — А ну брысь отсель, пока цел, не то и тебя на шашлык пустим!

Макарка, не торопясь, отошел от завалинки. Щелкнул ловко кнутом и ускорил шаги. Все высмотрел он в деревне, ничего не упустил.

Теперь юный разведчик почти вприпрыжку бежал назад и думал, как будет докладывать Вихорю о том, что разведал в деревне и как ушел на виду у белых, не вызвав никакого подозрения к себе.

В тот же вечер отряд конной разведки в пятьдесят сабель под командованием Вихоря внезапным налетом обрушился на белоказачков в деревне Сормовка, захватил трофейное имущество, пленных и без потерь вернулся в свое расположение.

Но к этому времени Макарка безмятежно спал и что-то бормотал во сне и причмокивал языком.

ЖЮЛЬ ВЕРН „Дети капитана Гранта“, Роберт Грант

Ш. ПЕРРО „Сказки“

«...Ваш журнал часто иллюстрирует художник П. Швец. Расскажите о нем. Мне очень нравятся его рисунки. В них так много красок, фантазии, что иногда веришь: где-то далеко-далеко живет волшебник «с бородой до самых пят...»

Наташа Ковалева,
Свердловск

Дорогая Наташа Ковалева!

Пользуясь возможностью, любезно предоставленной редакцией, я решил показать на выставке «Костра» некоторые из своих работ. Каждому художнику приятно иметь ценителей своего искусства. Это поддерживает в жизни. Искренне благодарю тебя за добрые пожелания в мой адрес.

Поскольку среди многих рисунков, печатающихся в журнале, ты обратила внимание на мои, я осмеливаюсь предположить, что мы в некоторой степени родственные души, и тебе не трудно представить, что я за человек. У нас много одинаковых привязанностей и вкусов. Я, как и ты, восхищаюсь тайной зверей и птиц,

любую красивыми людьми, благородными деревьями и волшебными дворцами. Я люблю мечтать и о той стране, где все эти явления — случайные гости двадцатого века — у себя дома, на родине. Я имею в виду сказки и чудесные истории, которые хорошо кончаются. Желание попасть в эту страну тебе, конечно, хорошо знакомо. Это сильное желание заставляет стремиться в далекие края, придумывать, фантазировать, внимательно присматриваться к окружающему и, наконец, изображать все это, чем я и занимаюсь.

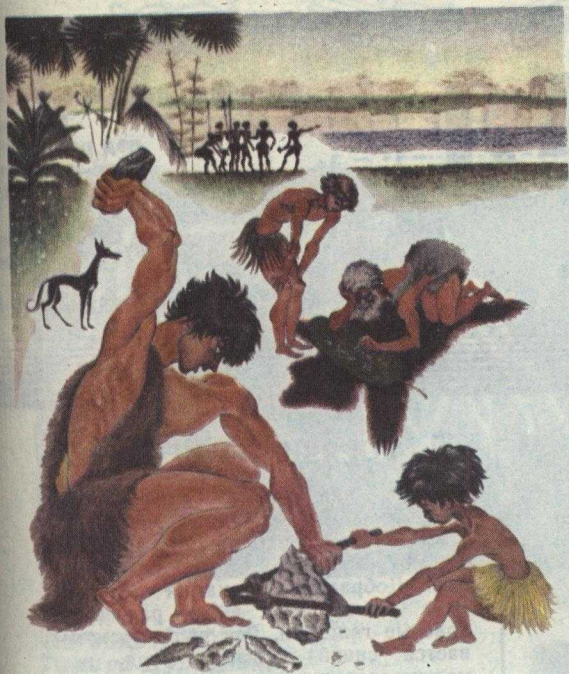
Я иллюстрировал сказки Перро, «Принцессу на горошине» Андерсена, сказки Перретты и другие книги, делал литографии на сказочные темы.

Еще я люблю петь.

Вот и все, что в ответ на твою просьбу я смог рассказать о себе.

У меня ко всем ребятам тоже есть просьба: пожалуйста, развивайте свои таланты, любите сказку, умеете находить в жизни красоту и наслаждаться этой красотой.

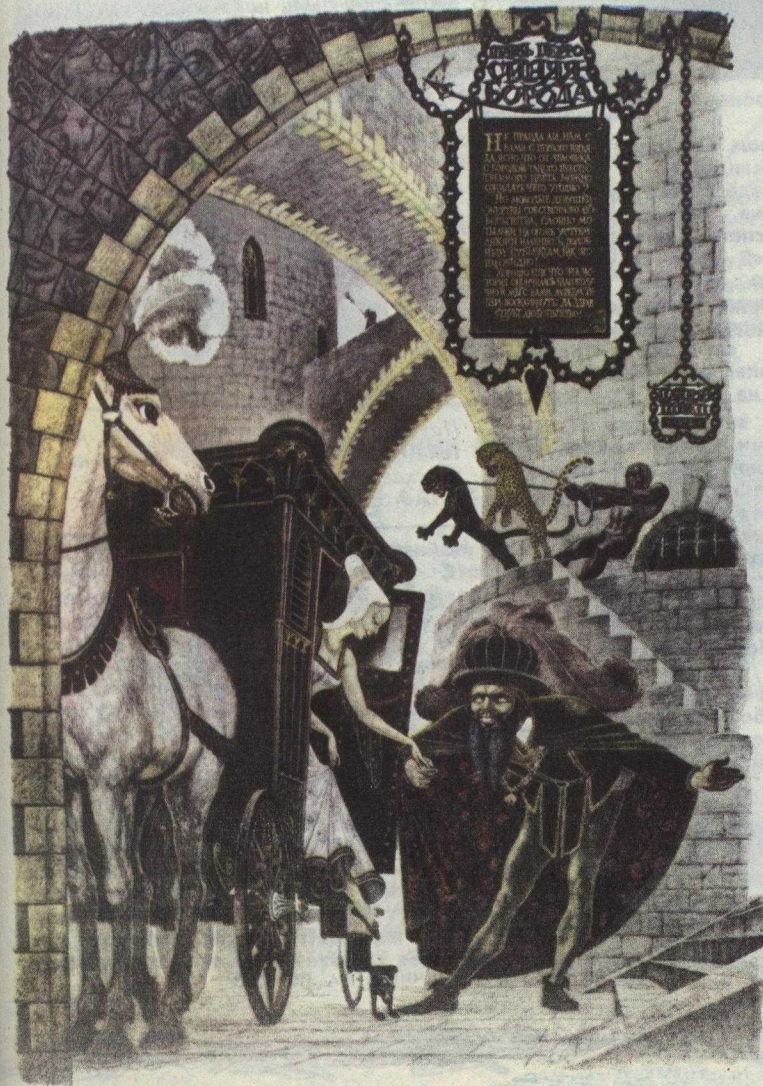
Искренне ваш
Платон Швец

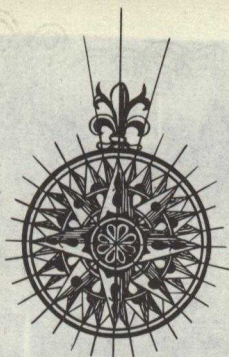

Е. ПЕРМЯК „Иголкины братья“

ЖЮЛЬ ВЕРН „80 000 километров под водой“, капитан Немо

Ш. ПЕРРО „Сказки“

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания 19-й

КАК МАЛЕНЬКИЙ „ЯСТРЕБ“ ПОМОГ РЕВОЛЮЦИИ

Было это осенью 1917 года. Суровый месяц октябрь был на исходе. По улицам российской столицы то и дело проходили отряды рабочих, солдат и матросов. У Смольного над винтовочными пирамидами развевались красные флажки... Винтовки... винтовки... Всюду — винтовки. Но для успеха восстания оружия все равно не хватало.

Тогда Центробалт — штаб революционных моряков Балтийского флота — отдал распоряжение доставить оружие из arsenалов полков, которые были расположены в Финляндии. Доставить оружие можно было только морем...

Маленький сторожевой корабль «Ястреб» стоял в порту Гельсингфорс. Командир его прилег на койку отдохнуть, но его разбудили. Вахтенный матрос подал пакет. Командир надорвал плотный конверт. На серой бумаге было четко напечатано:

«СЕКРЕТНО»

...С получением сего срочно выйти в Фридрихсгамн; по прибытии явиться в полковой комитет в Фридрихсгамне и принять винтовки. По принятии винтовок следовать в Петроград.

От Гельсингфорса до Фридрихсгамна — рукой подать. Глубокой ночью начали погрузку. По палубе грохали солдатские сапоги. Гарнизонные солдаты помогали грузить

ящики с патронами, несли пулеметы...

Перед выходом командир «Ястреба» собрал команду.

— В Петрограде с часу на час начнется восстание, — сказал он. — Мы должны успеть доставить оружие рабочим... В море сейчас плохая видимость, туман, дождь. В Финском заливе на каждом шагу камни. Мы пойдем полным ходом. Всякое может случиться. Предупреждаю об опасности. Желающие могут остаться на берегу...

В море ушел весь экипаж. Извилистыми шхерами, среди камней и мелей, промозглой туманной ночью мчался «Ястреб» в Петроград. Иногда командир доставал из нагрудного кармана пакет и перечитывал секретную депешу. «Что там, в Петрограде? Успеем ли!» — думал он. Машины работали самым полным ходом. Посветлело. Стал виден Петроград. На берегах Невы у догорающих костров еще грелись люди. «Ястреб» подошел к набережной. Его ждали рабочие. Вооружались прямо на палубе, рассовывая патроны по карманам, пробуя тугие от смазки затворы. Выкатывали на берег и заряжали пулеметы. От корабля вооруженные отряды уходили в город: к Смольному, к почте, к телеграфу. Начиналось восстание. Так маленький корабль «Ястреб» помог великому делу революции.

Г. ГУСЕВ

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

Высоко над Черным морем, на горе Аю-Даг лежит камень Гайдара. К этому камню приходят ребята и загадывают желания. Самые сокровенные. Добраться до камня нелегко. Веет на вершине ветер, развеивает красные галстуки. Все шире раскрывается синий горизонт моря, все мельче сверху волны. Далеко плывет белый корабль. Вот и камень, Горячий камень Гайдара. Ребята подходят к камню, и каждый кладет на него руку. На один лишь миг. Чтобы задумать желание. Никто не говорит и не скажет какое. Оно — тайна. Мое — тоже тайна. Но те, кто побывал в Артеке, наверное, догадываются, что это за желание...

Лучшие юнкоры «Морской газеты» в этом году были награждены путевками в Артек. В их числе была и Таня

Паршина из города Пушкин. Из Артека она прислала этот маленький рассказ.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

СПУЩЕН НА ВОДУ ОКЕАНСКИЙ СПАСАТЕЛЬ «ПАМИР». «ПАМИР» СМОЖЕТ ТУШИТЬ ПОЖАРЫ, ОБСЛЕДОВАТЬ С ПОМОЩЬЮ ТЕЛЕКАМЕР ПОЛУЗАТОНУВШИЕ СУДА, СВАРИВАТЬ ПОВРЕЖДЕННЫЕ ЧАСТИ КОРАБЛЕЙ ПОД ВОДОЙ... ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ С КОРАБЛЕМ НА МОРЕ, «ПАМИР» ПРИМЧИТСЯ НА ПОМОЩЬ.

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«НОЧЬЮ В МОРЕ»
Тамара Дурандина,
село Среднекрасилово Алтайского края

МОРСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА

Мечтать о море мальчишки будут всегда, так уж мальчишки устроены...

Мечтали о море и Димка Майдан, и Петька Клыков, и Антон Донченко — герои книги писателя Кирилла Голованова. Приняли их, пятнадцатилетних, в морскую спецшколу. Мечты о море — романтика, морская же служба оказалась делом нелегким... Море — это умение дружить с товарищами: один в море пропадешь.

А тут еще война началась... Кончились дни мирной учебы. Четким матросским строем уходили мальчишки в новую, военную жизнь.

Непрерывно прочитай эту книгу. Называется она «Матросы Наркомпроса». Выпустило книгу издательство «Молодая гвардия» в 1975 году.

Ю. СТУДЕНЦОВ

СООБЩЕНИЯ

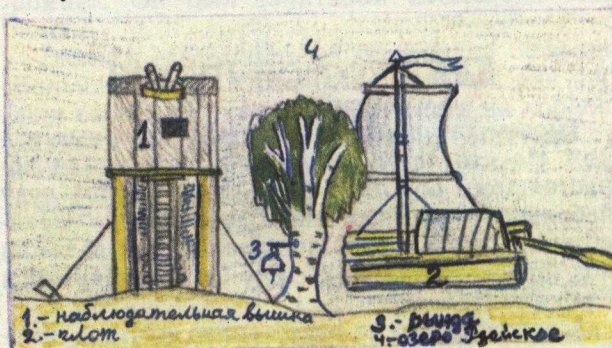
Дела в КЮМе идут хорошо. Курсанты сдавали экзамены по военно-морскому делу, шлюпочному делу, лодии и флажному семафору. Экзамены сдали почти все ребята.

та. Двум кюмовцам присвоены звания старшин шлюпок. Теперь мы проходим стрелковую подготовку.

С комсомольским приветом
курсант КЮМа
Сергей Шувалов,
Комсомольск-на-Амуре

Неподалеку от деревни — озеро Рдейское. Там мы с ребятами сделали базу. На берегу установили наблюдательную вышку. Построили плот. На березе повесили

рынду. Рынду нашли в разрушенном монастыре. Это был старый и ржавый колокол. На зиму плот для сохранности вытащили, а летом столкнем в воду. В отряде четыре человека. Дружим мы хорошо.

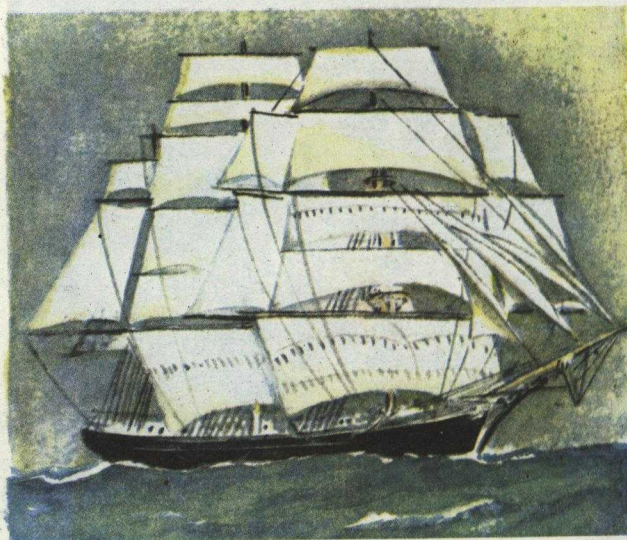
Олег Новиков, Кингисепп

ЗНАМЕНИТЫЕ ПАРУСНИКИ МИРА

КЛИПЕР „КАТТИ САРК“

Их называли «клиперы». По-английски значит «стригущие». Стригущие гребни волн. Это были самые быстроходные парусники. Им принадлежит рекорд скорости для парусных кораблей — 21 узел! Около сорока километров в час! Клиперы несли прямые паруса на всех трех мачтах. Мачты были невысокие, зато длина рей доходила до тридцати двух метров, клиперы несли до четырех тысяч квадратных метров парусов. У клиперов были узкие, длинные, обтекаемые корпуса. Недаром их еще называли «гонимые моря»...

«Катти Сарк» — клипер. Однажды — в годы первой мировой войны — «Катти Сарк» была остановлена германской подводкой. Ветер был слабый, и клипер беспомощно качался на волнах. Подводные пираты приказали команде покинуть корабль, но команда не подчинилась. Подводка открыла огонь. Вот уже снаряд попал в клипер, вот уже обрушился рей... И тут дунул ветер, и клипер рванул в сторону. Подводка за ним, но ветер за свежел, «Катти Сарк» распустила все паруса и ушла...

ФЛАГМАН С АТОМНЫМ СЕРДЦЕМ

РАССКАЗ О САМОМ МОЩНОМ В МИРЕ
ЛЕДОКОЛЕ, ПОСТРОЕННОМ В ЛЕНИНГРАДЕ

С. МАРАКУЛИН
Фото автора

ДЛЯ ЧЕГО ОН НУЖЕН

Тысячу лет плавает человек в северных морях. Но сто лет с небольшим люди стали по-настоящему бороться со льдами: в 1864 году небольшой русский пароход-ледокол «Пайлот» мощностью в 60 лошадиных сил взломал лед Финского залива между Ораниенбаумом и Кронштадтом.

А человечество не переставало мечтать о победе над льдами Арктики. Инженер Афанасьев, проектировавший знаменитый ледокол «Ермак», построенный по заданию адмирала С. О. Макарова, говорил, что для свободного плавания во льдах необходимо судно с мощ-

ностью двигателей в десятки тысяч лошадиных сил. «Ермак» был во много раз слабее...

Тогда мечты Афанасьева были похожи на сказку. Теперь, * благодаря атомной энергии, строятся такие суда-исполины. Пятнадцать лет бороздит арктические моря первый в мире атомный ледокол «Ленин», в «мускулах» которого сосредоточена мощь в 44 тысячи лошадиных сил. В июне этого года навигацию в Северном Ледовитом океане открыл атомоход «Арктика», построенный на ленинградском Балтийском заводе. Он еще мощнее первого атомного ледокола. «Арктика» не знает себе равных.

Для чего нужны такие сильные ледовые «бойцы»? В последние годы на севере и востоке нашей страны были открыты запасы полезных ископаемых. Чтобы их взять и использовать, нужны хорошие морские дороги. Но четыре тысячи миль Северного морского пути большую часть года покрыты гигантским ледяным панцирем. Чем мощнее ледокол, тем легче ему разбивать самые толстые льды, тем лучше он сможет прокладывать «каналы» в ледяных полях для прохода караванов судов. Ледокол «Ленин» увеличил навигацию до 6—7 месяцев в году. А «Арктика» продлит ее еще больше.

ПЛАВУЧИЙ ГОРОД

Сколько требуется газа, электричества, горячей воды только для вашей квартиры? На ледоколе «Арктика» помещений больше, чем в

Центральный пост управления энергетической установкой корабля похож на пульт управления крупным современным предприятием

иных поселках — здесь их 1280. Это целый плавучий город. На судне установлена сложная электронная и радиоаппаратура, мощные двигатели, для работы которых нужно очень много энергии. Если бы ее вырабатывать из каменного угля, то весь караван судов, который ведет такой мощный ледокол, пришлось бы заполнить не полезными грузами, а углем. Жидкое горючее тоже в данном случае не выручит. Между тем все топливо «Арктики» размещается совсем в небольшом складе. И хватает его на многие месяцы плавания. Потому что это топливо ядерное. И вырабатывается из него атомная энергия. Много месяцев может атомоход работать во льдах и не заходить в порты для заправки горючим.

Сотни заводов и институтов нашей страны сделали для «Арктики» «умные» приборы. На обычных судах за работой механизмов следят электрики, механики и люди многих других профессий. На «Арктике» вахту несут приборы. Автоматы заметят малейшее «заболевание» механизма, в случае надобности отключат его и прикажут работать агрегату-дублиру. А человеку стоит только нажать нужную кнопку — и судовые роботы отчитаются перед ним о проделанной работе.

«Сердце» корабля — атомный реактор — одет в толстую стальную и свинцовую рубашку. Внутри этого «котла» бушует невиданной силы «костер», а крышка этого удивительно-го «самовара» чуть теплая. К реактору можно подходить без всякой опаски: все излучение от работающего мирного атома поглощается толстым панцирем.

На борту атомохода есть даже свой вертолет, который ведет разведку льдов впереди корабля, есть здесь и свой автомобиль.

Экипаж корабля живет в удобных одно- и двухместных каютах. Здесь есть душ, финские бани, плавательный бассейн, отличные кино- и спортивный залы и даже грядки, на которых растут цветы и зеленый лук. Такого еще никогда не было, чтобы среди льдов Северного Ледовитого океана плавала грядка с зеленью!

КТО СТРОИЛ АТОМОХОД

Атомный ледокол «Арктика» создавала вся страна. Но главная нагрузка легла на прославленный коллектив ленинградского Балтийского завода. Предприятие доверило строительство лучшим специалистам. В «Арктику» вложили свое мастерство такие ветераны завода как член Коммунистической партии Советского Союза, Герой Социалистического Труда В. А. Смирнов, Герой Социалистического Труда А. В. Чуев, судосборщик Н. С. Сорокин, более 50 лет проработавший на предприятии. Здесь же трудились и два его сына.

Комсомольская организация Балтийского завода взяла шефство над сооружением крупнейшего в мире атомохода. Как радовались

все, когда секции атомохода, на которых алел силуэт комсомольского значка, вовремя поступали на сборку и были отличного качества!

КТО ПОВЕДЕТ ЛЕДОКОЛ

Команда для флагмана ледокольного флота подбиралась чуть ли не с такой же скрупулезностью, с какой комплектуются экипажи космических кораблей. Не удивительно: как бы ни была надежна автоматика, как бы ни были умны вычислительная машина и другие электронные приборы, последнее слово останется за человеком.

Капитан ледокола «Арктика» Ю. С. Кучиев родился в Северной Осетии в горном ауле Тиб. Один знакомый посоветовал ему поехать матросом на Север. Знаменитые полярные капитаны стали учителями кавказца. Со временем выработались у него и терпение, и привычка к однообразию ослепительного ледяного пейзажа. Смелость, острый глаз и упорство помогли ему стать опытным ледовым капитаном. В разных должностях ходил он по северным морям на «Ермаке», «Красине», «Сибирякове», «Малыгине», «Киеве», «Мурманске», «Илье Муромце». Он был капитаном атомохода «Ленин».

Экипаж «Арктики» сравнительно невелик. Большинство — инженеры и техники, они прошли специальную подготовку. Есть на корабле должность, которой не было на обычных судах, — главный инженер. Им работает Олег Георгиевич Пашнин.

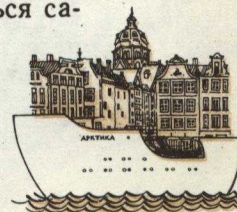
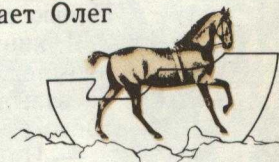
ЭКЗАМЕН

Первые обороты гребные винты атомохода сделали в Неве. А первый экзамен «Арктика» держала в водах Балтийского моря. Здесь испытывались все агрегаты и конструкции, тщательно исследовалось «дыхание» мощной атомной паротурбинной установки, уникальных генераторов и гребных механизмов.

Потом был поход в Таллин, где над «Арктикой» взвился Государственный флаг СССР. Затем — переход в порт приписки — Мурманск, во время которого атомоход попал в шторм. И я почувствовал гордость за всех, кто создавал корабль-богатырь, когда услышал от капитана «Арктики»:

— Корабль получился очень удачный, у него великолепные мореходные качества.

А потом я разговаривал с капитаном после первого похода «Арктики» в Северный Ледовитый океан. Он рассказал, что корабль уверенно шел в тумане, благодаря отличным навигационным приборам. Он крушил тяжелые льды в тех местах, где до него не бывало ни одно судно. Наша страна может гордиться самым мощным в мире ледоколом.

ШАЙБУ! ШАЙБУ!

РАССКАЗ

И. МЕЛЬНИКОВ

Рисунок Л. Вознесенской

Я лег спать рано. Я решил хорошенько выспаться, потому что завтра мы играем в хоккей на кубок с ребятами из нового городка.

Лег я спать, а заснуть не могу. Все про игру думаю. Комбинации в голове всякие проигрываю. Наконец, успокоился, уснул кое-как. А когда утром проснулся, то вскочил с кровати как ужаленный. Проспал! Уже девять часов! Ребята уже на катке. Ведь в девять мы сговорились провести разминку.

— Мама! — кричу я. — Что же ты не разбудила меня? Я же просил!

— Успокойся, капитан, — отвечает мама. — Никакой игры у вас сегодня не будет.

— Как это?.. — вытаращил я глаза.

— Занесло ваш каток, — говорит мама. — Ночью такая метель была; просто ужас!

Я кинулся к окну, раздвинул занавески и обомлел: снега намело по самые окна. Я чуть не взвыл с досады и начал одеваться как по тревоге.

— Иди завтракать! — зовет мама из кухни.

Какой там завтрак! Я хватаю коньки, клюшку и — бегом на улицу. А на улице сугробы — выше головы! Ширк, ширк — скребут лопатами дворники по всему поселку. Я бегу, налетаю на прохожих. Те ругаются, грозятся вслед. Я сворачиваю за последний дом и выбегаю на пустырь, где залит наш каток. Еще издали я вижу ребят. Все уже собрались. Вон Женька Ромашкин, защитник, вон и наш маленький вратарь, по прозвищу Пучок. Все тут. Проваливаясь по колено в снег, я пробираюсь к ребятам и ахаю: за ночь снег завалил каток так, что и ворот не видно.

— Вот, полюбуйся. Через два часа играть, а играть негде, — ворчит Женька Ромашкин и с яростью бьет клюшкой сугроб.

— Что будем делать, капитан? — спрашивает Пучок, и все ребята смотрят на меня. И тут меня такая злость берет на этот снег, что я решительно говорю:

— Будем разгребать! — и еще решительнее команду: — Айда за лопатами!

Скоро мы притащили лопаты: кто железные, кто деревянные, и всей командой навалились на сугроб. Работаем как окайнные! А снег сыпучий — крупа да и только, совсем на лопате

не держится. Устали. Запыхались. А толку мало, лишь одни ворота кое-как откопали.

Первым сдался Ромашкин:

— Надо что-нибудь придумать, — говорит, — так и до ночи не управимся.

Он бросил лопату и вытер шапкой пот.

— А что, если растопить снег? — надумал Пучок. — Облить его керосином и поджечь!

И тут всех словно прорвало. Предлагать начали разное:

— Бензином лучше! Бензином!

— Сказал тоже — растопить! Трактор надо...

И пошло, и поехало! Шум подняли, галдеж. Руками размахиваем. Спорим.

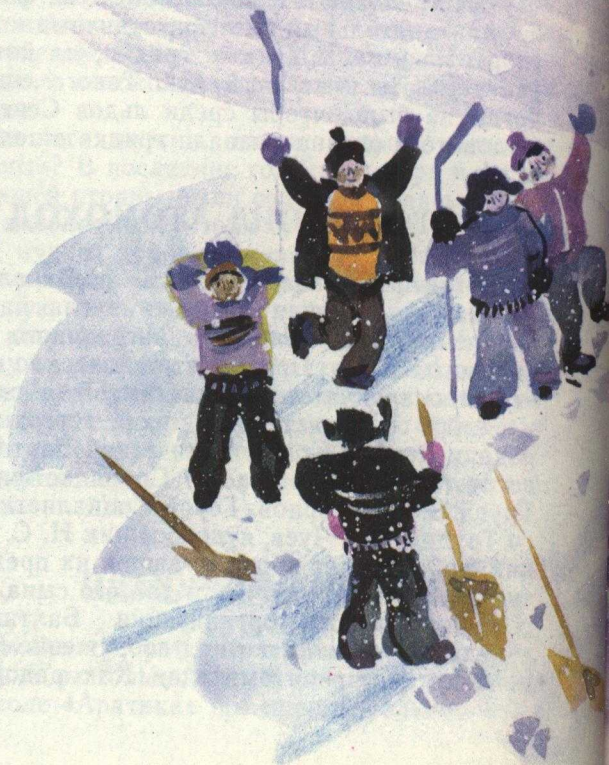
В это время на дороге, что проходит рядом, остановился незнакомый человек в кожаном пальто и меховых унтах. Он, видно, решил, что мы деремся. Подошел к нам и спрашивает:

— Что случилось, ребята?

Мы перестали шуметь и рассказали ему про нашу беду. Вот-вот приедут ребята из нового городка, скоро начнут собираться болельщики, а игру придется отменить.

— Да, положение сложное, — проговорил незнакомец и осмотрелся кругом, словно хотел запомнить место. Потом помял в руках снег, проверяя, какой он — липкий или сыпучий, взглянул на часы и вдруг сказал:

— Я помогу вам, ребята. Ждите меня, я скоро. — Сказал, вышел на дорогу, остановил попутный грузовик и уехал.

Все случилось так неожиданно, незнакомец так быстро укатил, что мы не успели спросить его, как же он нам поможет? Чем?

— Он, наверное, начальник какой-нибудь, — сказал Женька Ромашкин.

— Нет, — говорит Пучок, — он работает на маленьком бульдозере с большими колесами. На нем можно быстро прикатить...

В общем, мы повеселели и с нетерпением стали глядеть на дорогу. Ждать. Но время шло, а на дороге никаких бульдозеров не показывалось.

Вдруг из-за леса вынырнул вертолет. Вначале мы не обратили на него особого внимания. А потом смотрим — летит прямо к нам. Низко летит. Все ближе. Все громче рокот мотора. И вот уже, оглушая ревом, вертолет пронесся над нами, развернулся и... повис над катком. И не успели мы что-нибудь сообразить, как вертолет взревел страшным зверем. Мы бросились врассыпную, попадали в снег.

Что тут началось!.. Ветер от винта ударил в снег. Снег взметнулся, закрутился и ураганом понесся прочь. Над катком бушевала настоящая буря. Белым-бело сделалось вокруг...

Сколько времени прошло — минута или пять, только рев мотора вдруг стих. Буря улеглась. Мы вылезли из сугроба, глянули и не поверили своим глазам: каток блестел, как зеркало! А над зеркалом висел вертолет. Из кабины высунулся летчик, и мы сразу узнали его. Это был незнакомец в меховых унтах! Он

помахал нам рукой, и вертолет стал быстро подниматься в небо...

Скоро мы начали игру. Собралось много болельщиков, и среди них мы увидели нашего летчика. Он стоял в окружении мальчишек и громче всех кричал:

— Шайбу! Шайбу!

Юные
друзья
пограничников
Тенгиз Думбадзе,
Нана Микеладзе,
Аснат Беридзе
на занятиях

В одной школе ребята стали спрашивать меня о том, как быть, если склонности у них такие, которые ни для какой профессии пригодиться не могут.

Например?

Например, нравится возить-ся с лошадьми, кошками, собаками, воспитывать их нравится, а в цирке работать не хочешь... Или, допустим, физика не интересует, а математика не интересует, а всякая ерунда запоминается: погода по дням, расписание поездов — один раз поглядел и все... Или, допустим, в десять раз лучше соображаешь, если тебе никто не мешает, а лучше всего, когда вообще один...

Признаюсь, ничего путного на их слова я ответить не смог, но вопросы засели в памяти, я бессознательно носил их при себе, и когда через месяц поехал в командировку к батумским пионерам, увидел ребят, занятие которых дало ответ на те вопросы. Я встречался с членами отряда ЮДП — юными друзьями пограничников. Было это недалеко от города Батуми.

М. НЕЛИДОВ

ОСОБЫЕ

Бежит шоссе, блестит море, стоят горы, разлинованные виноградниками, пасутся привязанные к колышкам козы, по шоссе ездят в Батуми и обратно грузовики, легковые и автобусы. Кто на рынок едет, кто с рынка, кто на работу, кто просто так — погулять... Мирная жизнь, мирные дела, школа, уроки, игры, домашние обязанности... А рядом — граница.

— Я вышла тогда из дому нарвать травы для кроликов, — рассказывает Изабелла Леонидзе, школьница. — Если их выпустишь, их снова уже не поймать... Вот я и пошла за травой. Дело было вечером. Совсем недалеко от дома отошла, рву траву и вдруг между деревьев вижу этого человека, ни разу его не встречала, незнакомый. И в руках у него что-то странное — то ли радиоприемник,

то ли еще что-то похожее... Он меня не сразу увидел, а когда увидел, то вздрогнул. А почему человек вздрагивает, если ему нечего бояться? Значит, есть чего бояться? Он вздрогнул и спросил меня: «Как тебя зовут?» По-русски спросил. Я ответила. А зачем ему было знать, как меня зовут? На всякий случай я не стала подходить к нему ближе, но решила, что далеко не отойду, буду собирать траву вокруг, чтобы мне все время его видеть. А он будто и не знает уже, что ему делать. В это время подошла моя мама, которая решила посмотреть, почему я долго не возвращаюсь. Я дала ей поглядеть глазами, чтобы она продолжала следить за этим человеком, а сама ей говорю: «За хлебом-то еще успею?» И пошла к дому учителя, у него телефон был. Из дома учи-

На слете юных друзей пограничников

Джемал Марабидзе и Эдгар Чахарадзе на полигоне

СПОСОБНОСТИ

теля я сразу позвонила в милицию и в райком комсомола, а мама в это время разговаривала с незнакомым человеком как ни в чем не бывало. Потом она мне рассказала, что он стал ее спрашивать, где останавливается автобус номер восемь. А номер восьмой — это городской автобус, у нас он не ходит, а ходят только загородные. Но мама постаралась, чтобы он не понял, какую оплошность допустил в разговоре, довела его до автобусной остановки, а когда автобус подошел, подала знак водителю. Незнакомый человек вошел в автобус, водитель закрыл двери, а за поворотом автобус уже ждали пограничники...

Вот так, без погони и стрельбы, лишь благодаря спокойствию и наблюдательности обыкновенной семиклассницы, был задержан подозрительный человек.

Он оказался вблизи дома, где живет Изабелла Леонидзе, случайно, но не случайно был задержан. Я видел, как занимаются со своими юными друзьями пограничники. Ребята показывают боевую технику, рассказывают, как используют прожекторы и средства радиосвязи. Время от времени бывают общие праздничные встречи — слеты ЮДП, когда ребята заполняют заставу, а потом стоят в общем строю, и пионеры, знаменосцы в фуражках с зелеными околышами, выносят знамя отряда ЮДП. Конечно, такие праздники бывают, но главным звеном дружбы между ребятами и пограничниками являются личные индивидуальные отношения ребят и взрослых, охраняющих границу. Вот идет по лесу пограничник с овчаркой, а за ним трое ребят. Сначала ребята будто просто бегут следом, бы-

стро прогуливаются по лесу, ничего кругом не видят, не замечают — им только бы успеть за овчаркой и ее хозяином, через неделю уже начинают понимать, когда можно болтать друг с другом, а когда надо идти тихо, через месяц ребятам уже становится понятно, почему вдруг остановилась и припала к земле собака, зарыв нос в листья, а через полгода тот же мальчик или та же девочка идут по пограничному лесу, читая его сообщения, как по книге. Следы, запахи, звуки начинают складываться для них в особую, понятную лишь пограничнику картину.

Как же нет профессий, в которых нужны качества, упомянутые ребятами на встрече в той школе? Нет и не может быть в человеке таких качеств, которые нельзя было бы где-нибудь использовать, которые бы не были остро необходимы при некоторых профессиях. Но надо искать. Искать неутомимо и как можно раньше. Если ты будешь знать свои склонности, знать, к чему тебя влечет — у тебя гораздо больше вероятный выбрать себе любимое дело на всю жизнь.

КРАСНАЯ КОННИЦА

Борис АЛМАЗОВ
Оформление Р. Попова

ЧЕТЫРЕ НАГРАДЫ ЛЕГЕНДАРНОГО МАРШАЛА

В сентябре 1914 года на германском фронте взвод драгун вел разведку в глубоком тылу противника. Два десятка кавалеристов бесшумно вышли к дороге. По ней беспечно двигался немецкий обоз. Кайзеровские офицеры рассуждали так: обоз огромен, при нем два станковых пулемета и батарея. Вступить в бой с такими силами может только большая войсковая часть, а большому соединению через фронт не просочиться. И вдруг!

— Клинки к бою! В атаку! Ура!

Обозникам показалось, что фронт прорван, они побросали винтовки. Из набега драгуны привели 200 пленных, 85 повозок с теплыми вещами, две повозки с револьверами и хирургическими инструментами. Все они были награждены георгиевскими медалями «За храбрость»,

Окончание. См. «Костер» № 9, 1975 г.

М. ГРЕКОВ. „Трубачи Первой Конной Армии“

а их унтер-офицер — Георгиевским крестом 4-й степени.

Приказ о его награждении напечатали газеты. Так впервые прозвучало на всю страну имя Семена Михайловича Буденного.

В полку, где служил Семен Михайлович, отличался изуверством старший унтер-офицер Хестанов, он измывался над драгунами как мог. Буденный не выдержал и вступился за солдат.

И вот, вопреки всем законам, за выступление против старшего чином Буденного лишают Георгиевского креста. Однако награда сыграла роль в судьбе будущего маршала. Не будь ее, он был бы расстрелян.

Второй «Георгий» он получил за хладнокровие и расчет. В нескольких атаках под Менделиджем молодой командир не только проявил личную храбрость, но привел живым почти весь взвод (это под пулеметами-то). В январе 1916 года Буденного награждают Георгиевским крестом 3-й степени.

Особенно отличался он в набегах, на собственном опыте постигал будущий полководец все тонкости маневренной войны.

Двадцать два дня взвод Буденного ходил по турецким тылам, собирал сведения, нарушал коммуникации, телефонную связь, искал слабое место в обороне, а на обратном пути драгуны прихватили с собой сторожевую заставу противника. На груди фронтовика появился «Георгий» 2-й степени.

И, наконец, опять в разведке, куда Буденный пошел за «языком», он захватил шестерых солдат и унтера турок. Он получает «Георгий» 1-й степени. Отныне он полный георгиевский кавалер: четыре креста и четыре георгиевских медали. Полных георгиевских кавалеров было очень мало.

Царское правительство пыталось создать себе из них опору. Они получали большую пенсию, их дети бесплатно обучались во всех учебных заведениях России. Георгиевским кавалерам увеличивали земельный надел и освобождали от податей.

Но не таков был Буденный, чтобы на эти

привилегии польститься. Сразу после свержения самодержавия он переходит на сторону революции. В полку помнят не только его храбрость, но и справедливость, его самоотверженность. Поэтому Буденный единогласно избирается председателем полкового, а потом и дивизионного комитета.

На Петроград идет Корнилов. Дивизия, где служил Буденный, стоит в это время под Минском. И вот, действуя по указанию большевистской организации Западного фронта, будущий маршал под Оршей разоружает «Дикую» дивизию.

Почти четыре года не был драгун дома. Тянет к родной земле. Полк распался. Солдаты разошлись по домам. Вернулся в станицу Платовскую и бывший унтер-офицер Буденный. Вернулся, чтобы продолжать борьбу за Советскую власть. Отсюда начнет свой путь Первая Конная, созданная Буденным.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕРСТ БОВЕ

Партизанский отряд был окружен. Три тысячи бойцов из последних сил отбивали атаки врага. Патроны на исходе, а белые наседали. С каждой атакой реже становились ряды защитников и все ближе к штабу прорывались оскаленные казацкие кони.

И вдруг на позиции белых обрушился ураган сабель. С юга и севера ударила красная конница. Это был первый бой Красной Конной Армии.

Считалось, что создать конную армию можно не менее чем в пять лет — пока коней соберешь, пока людей обучишь... Но красная конница была создана за несколько месяцев и сразу же вступила в бой. Да в какие бои! Ка-

ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСК.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

КРАСНЫЙ КАВАЛЕРИСТ

РСФСР
ОРГАН
Политического
отдела
1 Конной Армии

Тираж газеты 5000 экз. | Пятница 11 июня 1920 год | 156

Фронт врага прорван. Заняты Бердичев и Житомир.
Киев оставлен противником. Фастов в наших руках.

Боевая газета Первой Конной Армии

валеристы налетали лавой на врага, а тачанки, группами по десять—пятнадцать вместе, поливали врага свинцом. Конница впервые на фронтах гражданской стала взаимодействовать с бронемашинами.

Тяжелы были бои под слепящим солнцем Туркестана и черными ночами в Польше, когда кажется, что всадник плывет в чернильной темноте, и даже конской гривы не видно.

Тяжелы были бои со шляхтой! Измотанная длинными маршами шла Первая Конная на Варшаву, а в это время в спину молодой республике ударил Врангель. Вот тогда произошло то, что западные историки до сих пор называют чудом: за два месяца, голодная разоренная страна создает Вторую Конную Армию и отбрасывает белых за Днепр.

И, наконец, последний и решительный.

Через гнилой Сиваш, где по колено, а где по грудь в ледяной воде, переводят коней красные кавалеристы и, стремительно растекаясь по Крыму, сбрасывают Врангеля в Черное море.

Н. САМОКИШ. „Атака“

Теперь Страна Советов может освободить часть сил для восстановления хозяйства. Но трубачи Первой Конной еще не скоро сыграют отбой. Еще долго будут красные конники громить всякие банды в Поволжье, на Дону, на Украине...

Конница пахарей и кузнецов, батраков и шахтеров, кажется, что ты не остановилась, не

К. КИТАЙКА. „Василий Иванович Чапаев“

растеклась по дальним пограничным гарнизонам, а так и скачешь поэскадронно, неслышным галопом уходя в песни, стихи и легенды...

СМОТРЯТ ВСЕ, А ВИДЯТ НЕМНОГИЕ...

Невелик был конный завод, да знаменит. Двадцать семь жеребцов стояло в его конюшне; и среди них три, на которых возлагали огромные надежды. Их предки были обменены царем в Австрии на русских солдат. Целый батальон рослых гренадеров был послан воевать в чужую страну и сложил там головы, так что за этих коней было заплачено кровью народной.

Внешне кони мало отличались от своих соседей. В конюшне все лошади были рослые, горячие... Но стоило выпустить их на дорожку ипподрома, как становилось ясно, что в резвости им нет равных.

Бандиты ворвались, ввалились в квартиру начальника конного завода — начкона.

— Красный прихвостень! — рявкнул главарь и наотмашь ударил коневода по лицу плетью. — Давай коней.

— Кони государственные, — утер кровь начкон. — Что хотите делайте, не дам.

— Сами возьмем, — главарь ударил его в висок револьвером.

Начкон упал.

— Ищите ключи.

Они обшарили комнаты, переворачивая вверх дном все, разбрасывая бумаги.

— Быстрее, быстрее! — торопил главарь. — Тут пограничники недалеко. Налетят — изрубят. Надо по-тихому. Сейчас коней возьмем и за кордон. Коням этим цены нет, до конца жизни на золоте есть будем.

Они уже возились с замком у конюшни, когда старик конюх подбежал со своим маленьким внуком к зданию с другой стороны. Торопясь, он посадил мальчишку, и тот юркнул в маленькое окошко под самой крышей.

— Господи! Помогите! — крестился старик. — Ванюшка, милый, на тебя одна надежда. Вся война коней берегли, сколько частей мимо прошло, уж как просили... Не дали! Неужто гадам этим отдавать?

Минут через пятнадцать бандиты сбили замки и влетели в конюшню. Захрапели, затопали кони.

— Ну-ко, — главарь достал фонарик и стал читать таблички над денниками. — Всех бы угнать!

— Не пройдем по тропам! — сказал пожилой бандит в шинели кавалериста.

— Черт с ними. Берем самых лучших. — Он вытащил из кармана записку: — Вот у меня записано. Коллинз, Эконом, Персей... вот этих троих в первую очередь выводите. Остальных от двери ближних... седлайте!

Они вывели коней и закидали двери соломой.

— Быстрее, быстрее! Зажигайте!

В селе ударил набат!

— Вот! Сейчас пограничники навалятся! По коням!

И бандиты рванулись к лесу. Из села с ведрами и баграми бежали крестьяне. Они быстро загасили солому, вбежали в конюшню. Впереди них, шатаясь, шел начкон. Он глянул на пустые денники и схватился за голову.

— Не уберегли!

— Так что все в порядке! — раздался из дальнего конца конюшни мальчишеский голос. — Не волнуйтесь — они породных не увели...

— Что?

— Я их с другими конями в денниках поменял. Все три здесь. Бандиты-то по табличкам смотрели... В конях-то они не понимают! Конь-то ведь он что, на него все смотрят, а видят немногие...

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Эта война была названа «войной моторов». Огромные сражения, страшное скопление техники словно бы заслонили кавалерию. А она дралась! Дралась честно и мужественно. Кавалеристы принимали участие почти во всех крупных сражениях. Они были под Оршей, под Смоленском, дрались за Ростов. Армейская

конница, конница партизанская, конница казачков-ополченцев.

Конь слабее мотоцикла. Он бежит со скоростью 10—20 километров в час и если одолеет 100 километров в сутки — это, считай, подвиг. Но зато конница всегда идет по кратчайшему пути через овраги и болота, форсируя реки и просачиваясь сквозь лесные чащобы.

В Великую Отечественную войну конница была самым неуловимым родом войск. Вот что писал о ней один из главных немецких военачальников генерал Гальдер: «Мы постоянно сталкиваемся с конными соединениями. Они так маневренны, что применить против них мощь немецкой техники не представляется возможным. Сознание, что ни один командир не может быть спокоен за свои тылы, угнетающе действует на моральный дух войск».

Нервничал генерал. Еще бы ему не нервничать, если только один конный корпус Доватора сковал тылы целой армии.

Беспошадные неуловимые всадники чудились фашистам всюду. Три-четыре тысячи бойцов наводили такой ужас, что командование оттягивало с фронта целые соединения для борьбы, как писали гитлеровцы «со стотысячной казачьей армией».

Танки, самолеты, артиллерию бросали немцы против отчаянных кавалеристов и много раз в штабы докладывали, что, наконец-то, с конницей покончено, но она появлялась снова и снова, жгла автоколонны, громила штабы и обозы, разгоняла целые полки, идущие на фронт.

Подвиг двадцати восьми панфиловцев известен всей стране. Но не всем известно, что рядом с ними стояли насмерть советские кавалеристы. А их под Москвой было много! Только с других фронтов сюда было переброшено 15 дивизий. Они первыми пришли на помощь столице, когда линия обороны пролегла в двенадцати километрах от города.

Казачи прорывались через фронт из немецких тылов, где сеяли панику и смерть среди фашистов, и сразу становились в ряды защитников.

Знаменитое Волоколамское шоссе прикрывал конный корпус Доватора. Каждый боец дрался за пятерых. На сотом километре шоссе стоял в обороне 37-й кавалерийский полк. Но от полка оставался один номер, а бойцов было на эскадрон — чуть больше трехсот.

Два дня почти непрерывно шел бой, но казаки не отступили. Утром 19 ноября 37 кавалеристов повторили подвиг панфиловцев. В неравном бою они сожгли 20 танков.

Замерзала в снегу техника, не выдерживали машины, но конница носилась по фронту, закрывая собой бреши, которые фашисты пробивали в нашей обороне. Не успела вторая тан-

П. КРИВОНОВ.

**„Советская конница
в боях под Москвой. 1941 г.“**

ковая армия знаменитого Гудериана прорваться к Кашире, как навстречу ей помчались конники Белова. За одни сутки они прошли по бездорожью сто километров и с ходу вступили в бой.

Что ж, они клинками танки останавливали?

Нет, это была совсем другая кавалерия, чем в гражданскую. Теперь это были конно-механизированные корпуса: с пехотой, с «катюшами», с танками и авиацией. Это была грозная сила: от техники она взяла свою мощь, а конница давала маневренность, подвижность, неуловимость и... лихость!

И так было всю войну. И хотя ее и называли «войной моторов», даже в 1945 году кавалерии нашлось дело.

Казачи участвовали в Берлинской операции. Дивизия Блинова спасла 50 тысяч военнопленных, заперла дорогу на Дрезден.

Казачи Баранова дрались за Эльбой — готовили освобождение Праги. 7-й гвардейский корпус взял города Ратенов и Бранденбург. И, наконец, 3-й гвардейский корпус взял Рейнбург и встретил на Эльбе союзников.

Так славно закончила свой исторический путь русская, советская конница!

Александр
ВАРШАВЕР

Рисунки А. Ежелина

КОМСОМОЛЬСКОЕ

ПОРУЧЕНИЕ

Я пришел в комсомольскую организацию Ботанического сада, чтобы узнать об участии молодежи в озеленении городов и поселков нашей страны. Секретарь охотно ответил на все мои вопросы, а затем протянул большой конверт, в который было вложено несколько машинописных страничек.

— Советую ознакомиться, — сказал секретарь.

Я стал читать:

«Дорогие товарищи!

По поручению моих сверстников обращаюсь к вам — помогите! Нужно достать несколько кустов роз (желательно красных), но таких, чтобы могли переносить сибирские морозы. Позвольте подробно рассказать, что заставило нас обратиться с такой просьбой.

Мы, комсомольцы 1919 года, через много лет решили встретиться в родном селе. И вот собрались.

Вечером в сельском клубе провели беседу с молодежью. Рассказали о том, каким было село до революции, а когда все разошлись, решили провести «заседание нашей ячейки».

Попросили у завклубом керосиновую лампу. «Зачем? Да и где же я вам ее достану», — удивился тот. Выручила библиотекарша: нашла где-то лампу с треснувшим стеклом. Застелили стол куском кумача, выключили электричество, зажгли лампу...

Вот за столом мы — бывшие бедняцкие дети, Гриша Жилин — ныне профессор, Ваяня Панин — Герой Советского Союза, генерал, Маша Аникина — заслуженный врач, Луша Пронина — известная всей стране телятница, награжденная тремя орденами Ленина, Паша Кочин — знатный механизатор леспромхоза, кавалер двух орденов Славы.

Посидели молча, а потом стали вспоминать тех, кого уже нет. И сразу же вспомнили Розу, нашу комсомолку, первую жертву кулацкой ненависти. Имя ее было Ульяна, а прозвали ее Розой вот почему. Привез как-то ей отец из города флакон из-под духов, с розой на этикетке, и сделался

тот флакон для Ульянки самой дорогой игрушкой. Жила Ульяна на выселках, в одной версте от села. Стояли там всего три избы.

Отец ее — Степан Сулимов, был грамотный мужик, знал законы, за что и был особо любим местными властями. Когда началась первая империалистическая война, его сразу же забрали в армию.

Вернулся Степан незадолго до Октябрьской революции. Вернулся без левой руки, сильно хромал. Вместе со Степаном в селе появилось еще несколько фронтовиков. В ноябре они разогнали волостную управу и организовали Совет. Первым председателем его избрали Степана.

Но недолго просуществовал Совет. Власть в Сибири захватил Колчак. Нагрянули в село каратели, схватили членов Совета и увезли с собой. Только Степану и еще двоим, жившим на выселках, удалось бежать в тайгу. Мать Розы каратели жестоко избили, пытаясь, где муж. Вскоре она умерла. Осталась Роза одна. Целый год жила и работала у купца, убирала лавку, нянчила детей, доила коров.

Когда Колчака разгромили, вместе с партизанами приехал домой и Степан Сулимов. Снова стал заседать в Совете.

В том же девятнадцатом году в нашем селе была организована комсомольская ячейка, а первой комсомолкой стала Роза. Чем только мы тогда не занимались! И ликвидацией неграмотности (в первую очередь своей), разъясняли населению постановления Советской власти, собирали для Красной Армии теплые вещи. Однажды хотели поставить спектакль, но ничего из этого не получилось: о театре никто из нас не имел никакого представления.

Еще мы ежедневно мечтали о будущем, и в этом никто из нас не мог сравниться с Розой. Она говорила, что очень скоро наступит такое время, когда все люди будут сыты и красиво одеты. А самое главное — и в домах и на улицах

будет много роз. Красных, больших — она показывала руками размеры цветов, — величиной с кочан капусты.

Никому из нас даже не приходило мысли, что может быть иначе.

Как-то к нам пришел отец Розы. Он сказал, что в соседних уездах появились кулацкие банды.

— Так что, ребята, нужно быть начеку, смотреть в оба, — заключил предсельсовета.

Роза с отцом по-прежнему жила на выселках. Не хотел Степан переезжать в реквизированные кулацкие дома.

— Нельзя мне, — говорил он, — власть свою в этом проявлять. Вот зиму еще проживем на выселках, летом перенесу дом в село.

Говорили ему, что, мол, это опасно, а он только рукой отмахивался, — «ладно, ладно, а наган у меня для чего?» Махал, махал, да и не отмахнулся.

Случилось это весной 1920 года.

Вечером примчался в село комиссар уездной ЧК Федор Думин. Спрашивает:

— Где Сулимовы?

Ребята отвечают: «Дома, наверное. Где же им еще быть». Только сказали, как вбегает кто-то из наших и кричит: «Пожар! Выселки горят!»

Вскочил комиссар на коня:

— Отряд! За мной!

Вскоре оттуда прибыл всадник за фельдшером и кошейкой. Сообщил, что Степан кем-то убит, а Роза смертельно ранена.

На следующий день мы хоронили Степана и Ульяну Сулимовых.

На похороны пришло все село. У вырытой ямы стоял в полном составе полк и комсомольский отряд самообороны.

«Товарищи, — сказал комиссар, — товарищи мужчины и женщины, мы хороним сегодня двух героев. И обещаю тебе, Степан, и тебе, Ульяна, обещаем и клянемся, что никто никогда не сможет обновить революцию!»

Все это мы, старые комсомольцы, вспомнили, сидя перед коптящей керосиновой лампой, и тут же наша ячейка приняла такое решение.

Первое. В целях сохранения вечной памяти Ульяны и Степана Сулимовых — первой комсомолки и первого председателя Совета, погибших от руки классового врага, установить на их могиле памятник.

Второе. Поручить товарищу Быстрову достать розы красного цвета, которые не боятся сурового климата, и посадить их около памятника.

Вот почему я написал вам это письмо.

По поручению собрания Быстров».

Я прочитал письмо.

— Ну, и как вы?..

Собеседник не дал закончить вопрос.

— Вот наш ответ.

И он протянул мне квитанцию аэропорта о приемке семидесяти пяти килограммов «кустарниковых корней» и телеграмму с благодарностью от сельских комсомольцев.

— И розы привились? — поинтересовался я.

— Цветут уже третий год. Вот посмотрите на фотографии.

В центре поселковой площади, прямо против двухэтажного здания школы, росли кусты густо цветущих роз. Со всех сторон обступали они гранитный монолит красного цвета.

У основания монолита лежала полированная гранитная плита, тоже красного цвета, с надписью:

«Ульяна-Роза

Сулимова

первая комсомолка

Степан Андреевич

Сулимов

первый председатель

сельсовета

Погибли от руки классового врага

9 марта 1920 года»

Ведет писатель Н. СЛАДКОВ
Оформление О. Филипенко

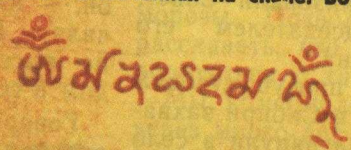
Рисунок 5

Охота на туров

РИСУНКИ НА СКАЛАХ

Восемь лет назад, в 1967 году, мне удалось впервые проникнуть в каменистое ущелье Тайгак в горах Чулак. Уже при входе в ущелье бросилась в глаза непонятная надпись, высеченная на скале. Вот она. Буквы уже

покрылись пустынным загаром: надписи было не менее 300 лет. Древнее заклинание, охранная надпись. Это был как бы вход в удивительный природный музей наскальных рисунков.

Время и землетрясения разрушают скалы, много рисунков уже погибло, но немало их и сохранилось. Особенно поразили воображение антрацитово-черные скалы, на которые я наткнулся в одном из боковых отщелков. Голубое небо отражалось в гранях отполированных ветром скал, и все скалы были в рисунках. Целая картинная галерея!

Лучше всех, наверное, наскальную живопись Казахстана знает Павел Иустинович Мариковский — писатель, профессор, доктор наук. Много лет в свободное время он искал, описывал и копировал эти рисунки. Рисунки рассказали ему, как жили люди много тысяч лет назад, какой была тогда природа Казахстана. Рисунки рассказали ему, а он — нам...

Н. СЛАДКОВ

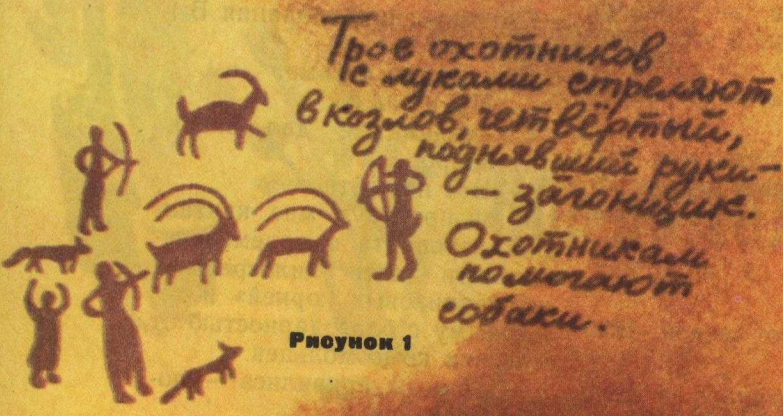

Рисунок 1

Рисунок 2

Иногда в рисунки стреляли из лука, и от стрел остались следы. Для чего? Наверное, был такой обычай. Кстати, нижний рисунок встречается часто. Это — ведьма.

Человек любил и почитать. Не правда ли, слышно, волею судьбы, рогами козла, лошад с рогами верблюда или козла.

С тех пор я стал интересоваться наскальной живописью когда-то давно живших народов Средней Азии, обследовал множество гор пустыни, обнаружил немало рисунков, пересмотрел их не менее сорока тысяч и скопировал из них самые интересные и значительные...

Прежде всего человек рисовал главное — зверей. Он ведь питался их мясом, одевался в их шкуры... Потом древний человек рисовал, как он охотится... (рисунки 1, 2, 3, 4, 5).

Кого боялся древний человек и чему удивлялся (рисунки 7, 8).

Рисунки на скалах легко перекопировать на прозрачную кальку или восковку, сфотографировать или перерисовать тому, кто это умеет.

Поиски и изучение наскальных рисунков — интересное занятие.

Рисунок 7

Человек всегда боялся
и ненавидел ядовитых
животных, считая
их наказанием,
посланным Богом за
твёрдое сердце. Он
изображал их.
Здесь змея и скорпион.

Этот разноплеменная
 свора собак
 нападала на кабана.
 Эту глард.
 Когда-то он водился
 в Средней Азии.
 Теперь же сохранился
 только в Африке.

Торный баран
попал в хитро-
ушную
ловушку.

A collection of red ochre handprints and stick figures on a yellowish-brown background, arranged in a circular pattern. The figures are simple, stylized human forms, some holding hands, suggesting a dance or a group activity. The handprints are also simple, with fingers spread. The overall composition is circular, with the figures and handprints arranged in a ring around a central point.

Сцена
празника
Женщины
играют
на свистовых
инструментах,
похожих на лук.
Тягаются хором.
На праздник со всех
сторон спешат гости

Рисунок 6

Рисунок 6

Два зрели-
 ща, 100
 тысяч
 людей,
 которые
 пришли
 увидеть
 эти
 картины,
 а также
 стана-
 били
 здесь
 много
 палаток
 еще
 давно
 приехали
 в Австралию

Рисунок 3

Внимание: ВОЗДУХ!

В. ЧЕТКАРЕВ

Рисунки А. Януса

Сколько он весит? На это отвела электронно-вычислительная машина «Минск-22». Подсчет массы воздушной оболочки планеты она вела в тоннах. И получилась пятерка с пятнадцатью нулями!

Вечный ветер. Атмосфера Земли находится в постоянном движении, установили советские ученые. Ежегодно с января до июля из Северного полушария в Южное переходит четыре триллиона тонн воздуха. Во второй половине года они совершают обратный путь. И еще любопытный факт. Летом, когда оживает вся природа, атмосфера тяжелеет на триллион тонн.

Главная пища. За сутки каждый из нас потребляет в среднем около килограмма сухой пищи, в полтора раза больше воды, но пропускает при этом сквозь свои легкие до двенадцати килограммов воздуха. Мы выдержали бы пять недель без пищи, пять суток без воды, но не прожили бы и пяти минут без притока кислорода.

ДАМА В ПРОТИВОГАЗЕ

«Спасем наших женщин!» — воскликнула предприимчивая американка Мари-Анна Шерр и сконструировала... миниатюрный противогаз. Как только воздух большого города загрязняется очень сильно, раздается резкий звонок и крышка футлярика автоматически открывается — аппарат готов к применению.

Идея остроумная, не правда ли? Вместе с тем хочется спросить: а может быть, разумнее думать не над тем, как одеть всех горожан в противогазы, а над тем, как очистить атмосферу?

ПОДСКАЖЕТ „ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК“

Представьте, что какой-то заботливый страж не смыкая глаз следит с высоты за каждой дымовой трубой, за каждой чадающей машиной на улице. Это своего рода «золотой петушок» из пушкинской сказки. Чуть замутился где-нибудь воздух, беспокойный крикун тут же забил тревогу. На место происшествия уже спешат санитарные врачи.

Раскроем секрет: чудо-петушка уже построили в Киеве. А в первый раз свое «ку-ка-реку» он прокричал в Ленинграде. Такими же электронными санитарами скоро будут оснащены Москва, Липецк, Кемерово, Запорожье, Жданов. От карающей десницы врачей теперь не укроется ни один шофер неисправного грузовика, ни одно предприятие, всего на минуту отключившее свою систему пылегазоочистки. Ведь «петушок» — это целая сеть раскиданных по городу приборов. А у каждого прибора — механический нос.

МАГНИТОФОН ДЛЯ ЗАПАХОВ

Внюхиваясь в окружающую атмосферу, механический нос способен не только учуять опасные концентрации вредных примесей, но и надолго запомнить все данные, записав их на пленку.

Вокруг нас витают тысячи запахов — вкусной корочкой пахнет от проехавшего фургона с надписью «Хлеб», есть свой аромат даже у только что выпавшего первого снега. Как же не спутает весь этот букет

искусственный обонятельный орган?

Дело в том, что в «магнитофоне для запахов» — особая чувствительная пленка. Она последовательно пропитана разными сложными химическими веществами. Каждый запах воздействует на свой участок ленты. За всеми реакциями на ленте следит специальное управляющее устройство.

КОЕ-ЧТО О ПЫЛИ

Справедливости ради скажем: небо коптят не только заводы. Гусеницы трактора взбивают целые облака пылевых частиц. Горит ли лес или выветривается пашня, извергается ли вулкан или испаряются брызги морских волн — всему этому сопутствует быстрое замутнение воздушной среды. Даже метеор, сгорающий в атмосфере, оставляет за собой темный шлейф.

В каждом кубическом сантиметре воздуха (даже в горах после дождя!) содержится не меньше ста тысяч мельчайших, невидимых глазу частиц. Если вы полагаете, что спрячетесь от пыли где-то у моря, то ошибаетесь: даже в центральной части Атлантики «кубик» воздуха включает тысячи и тысячи пылинок.

Скрупулезные ученые сосчитали: сельский житель вдыхает примерно сорок миллионов пылинок в минуту. А горожанин?

СТАНДАРТ ЧИСТОТЫ. Мы на современном заводе. Он выпускает радиоаппаратуру. Как и на любом предприятии, люди тут что-то режут, штампуют, шлифуют. Вот уж, наверное, где пыли-то!..

Берем микроскоп и вглядываемся в воздух. Ни пылинки!

Быть может, ошибка? «Нет, — успокаивают нас производственники. — Воздух чистый. Хотя пыль все-таки есть. Но найти частицу так же трудно, как, скажем, единственный гриб во всей сибирской тайге. Таков стандарт чистоты воздуха в наших цехах».

Как его достигают? Герметически «задраивают» все двери и

окна, а затем включают кондиционеры с многоступенчатой фильтрацией. За смену они меняют весь воздух в цехе четырех раз!

«НЕ УНЕСИТЕ ПЫЛИНКУ!» Казалось бы, можно ли заниматься более безнадежным делом, как считать пылинки! Ан нет, ученых Всесоюзного института медицинского приборо-

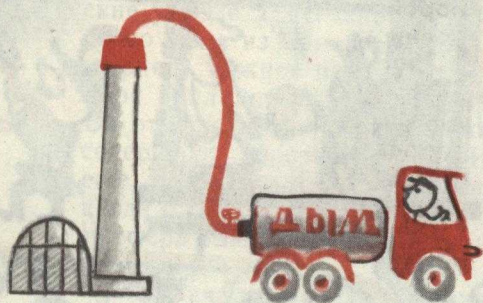
строения увлекла такая задача. И не напрасно! Они сконструировали прибор, взглянув на шкалу которого сразу определяешь, насколько загрязнен пылью воздух в цехе, на складе, в любом другом помещении. Новинка умещается в портфеле санитарного врача.

Итак, пылинки сосчитаны. Остается поймать...

— Чего проще! — отвечают на это изобретатели из Иркутска. — Устройство, которое на заводах станет работать под девизом «Не уносите домой пылинки!», уже создано. Все крайне просто: рабочий, выходя из пыльного цеха, минует турникет, где воздушный душ вкупе с пылесосом снимет с его одежды всю пыль.

ИЗ ОТХОДОВ— В ПРИХОД

Дома из... дыма. Многие новоселы Красноярска, Таллина, Перми, Ангарска вряд ли догадываются, что они въезжают в дома, построенные с помощью... дыма. Применение это-

му призрачному стройматериалу нашли ленинградские специалисты. Они предложили использовать золу и дымовые частицы при изготовлении цемента самого высокого качества.

Если бы не новые дымоуловители, то на каждый гектар земли вокруг тепловых электростанций оседало бы несколько тонн пыли. Сейчас черный порошок улавливают специальные электрофильтры. По трубопроводу он подается в цистер-

ны «дымовозов», которые доставляют его на цементные предприятия.

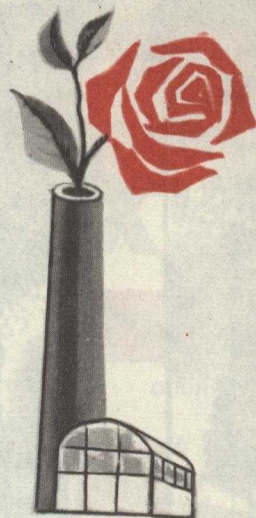
ПРИЗЫВАЕМ НА ПОМОЩЬ...

СНЕГ... Обыкновенный сугроб сибирские инженеры поставили на службу охраны нашей атмосферы. Продувая сквозь слой ажурных снежинок запыленные выбросы промышленных предприятий, они получают на выходе совершенно чистую воздушную струю.

— Необычное «сито» может построить каждый, — утверждает изобретатель В. В. Милохов. — Свежий снег — самый лучший. Белое «одеяло» толщиной до двадцати сантиметров расстилается на металлической сетке на пути загрязненного воздушного потока. Оказалось, что на том же принципе в пыльных местах, например, на открытых разработках полезных ископаемых, могут действовать зимой и личные средства защиты — шлемы со снежными фильтрами.

...МЕТЕЛЬ... Если под землей, в шахте, где, вздымая пыль, скрежещут сразу сотни механических рудокопов, создать зону искусственной метели, то прошедший сквозь нее воздух «отмывается» практически досуха. Но легко ли в шахте создать метель?

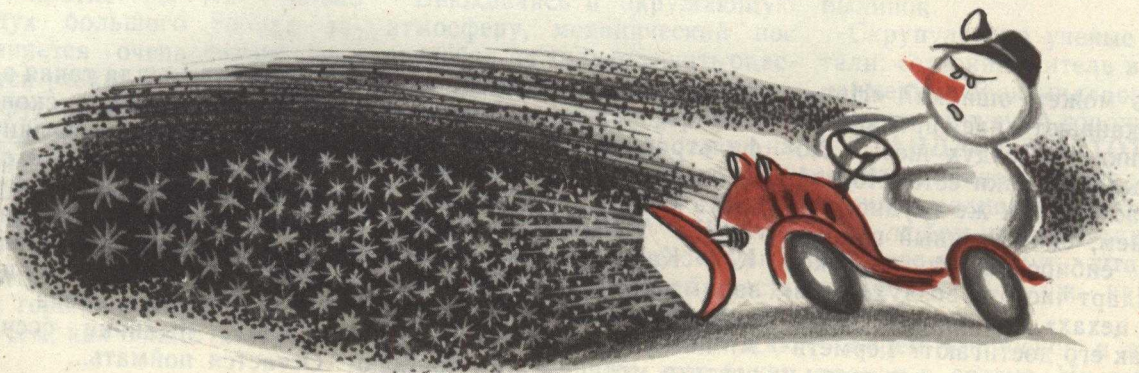
— Легко, — отвечают специалисты рудника имени Матросова на Колыме. — При условии, что под землю мы пустим мороз. А потом мы приступим к главному: смешаем два воздушных потока — «студеный»

(с температурой в минус тридцать градусов) и «морозный» (подогретый до минус десяти). Две струи, столкнувшись, и образуют снежный вихрь. Пылинки при этом служат теми ядрами, на которых и образуется снежная изморозь. Вывези этот снег — и в подземелье снова станет чисто!

...И ДОЖДЬ. Легко ли дышится после дождя? Что за вопрос — конечно! Эту всем известную истину удалось подтвердить и в цехах Волховского алюминиевого завода, где ученые внедрились так называемые мокрые методы газоочистки.

— Представьте, — рассказывает инженер В. С. Буркат, — что на бьющий вверх по трубе грязный воздушный поток обрушится облако водяных капель. Влага и окажется той «промокашкой», что всосет в себя мельчайшие частицы дыма и гари. А если вместо воды разбрызгать химический раствор? Такой дождик впитает в себя и все вредные газы. Небо над головой будет ясным.

ИРИНА РОДНИНА

Ее привела на каток суровая необходимость. После серьезного заболевания легких врачи посоветовали Ирине занятия на свежем воздухе, и мать записала ее в секцию фигуристов. Когда ее увидел знаменитый тренер Петр Петрович Орлов, он отозвался о ней так: «Роднина — это огонь, это вулкан».

В 1964 году состоялось знакомство Ирины Родниной с тренером Станиславом Алексеевичем Жуком. Встреча определила дальнейшую судьбу фигуристки.

Часто после тренировок они — учитель и ученица — шли вместе одной дорогой. Уже тогда, задолго до будущих побед, они обсуждали свой, ни на чей не похожий стиль катания.

— Разве обязательно фигурное катание должно походить на классический балет? — делилась своими сомнениями Ирина. — Я люблю скорость и риск. Люблю народную русскую музыку.

Ее партнером стал Алексей Уланов. Началась работа над созданием дуэта. Работа труднейшая. Ведь в дуэте звучат два разных голоса, они не должны забивать друг друга, должны звучать согласованно.

Большой спорт это не игра в поддавки. Он не терпит слабых духом, нерешительных и сомневающих в себе. Борьба в нем бескомпромиссна. И действуют в нем настоящие бойцы.

Впервые Ирина Роднина стала чемпионкой мира в американском городе Колорадо-Спрингс в 1969 году. После исполнения танца «Калинка» все на трибунах встали и долго аплодировали.

Но в 1972 году дуэт Ирина Роднина — Алексей Уланов распался. Слово Станиславу Алексеевичу Жуку:

— Когда распалась эта пара, я, честно говоря, думал, что Ирина закончит кататься. Но у Родниной было иное мнение. Она убедила меня, что можно создать новый дуэт. Начались поиски партнера. Александра Зайцева я знал и прежде по сборной Союза. Пробные тренировки продолжались всего пять дней, таким коротким был испытательный срок. Началась работа.

На одной из этих тренировок мне довелось побывать. Должен признаться, что это порой не менее интересное зрелище, чем официальные выступления фигуристов. Каждый элемент отрабатывался по многу раз. Тренер то и дело подзывал Роднину и Зайцева к небольшому телеэкрану и указывал им на такие штрихи, которые непосвященному было бы и не заметить. Причем у тренера вид был намного более усталый, чем у спортсменов. Голос его охрип. Он комментировал движения фигуристов, сам выезжал к ним, показывал, как надо делать.

В таком напряженном ритме они тренировались по шесть часов в день. И произошло невероятное. Уже через полгода новая пара Роднина — Зайцев превосходно выступала на международных турнирах с новой программой «Метелица», насыщенной веселыми и азартными ритмами русской народной музыки.

Когда-то Ирина Роднина сказала: «Я хотела бы научиться кататься на льду так же легко и естественно, как ходишь по земле».

Она этого достигла.

В. НЕЧАЕВ
Оформление
Б. Петрушанского

МОЙ ЖИВОЙ УГОЛОК

У меня
пока
не живет кабарга.
Пока
горилл
мне никто не дарил.
Макак
не смог я достать никак.
Но есть у меня
живой уголок:
пока
малька
поймал я в реке.
И вот он—живой!
И он—в уголке.

*Коля Иванов,
Свердловск*

НА ПОЛЯНЕ

На поляне два зайчонка
Пели громко, пели звонко!
Белки песню похвалили,
Лягушата подхватили,
Да пришел медведь—
Начал тоже петь!

Испугались два зайчонка—
Заревели громко-громко!..
Белки мигом убежали,
Лягушата ускакали.
Но чего же они испугались?
Почему же они разбежались?

Потому, что медведь-то не пел.
Ревел!!!

*Жанна Сидорова,
Московская область,
Ликино-Дулево*

Рисунок А. Ивашенцевой

Одному приходится Михеице идти в детский сад!

Вообще-то можно было бы взять с собой дедушку, если бы... Если бы не дедушкины пчелы! Ну просто совершенно невозможно оставить этих пчел одних, без присмотра. Сразу же начинают жалить всех без разбора и у них совершенно не остается времени, чтобы делать мед!

Штефан МЕЛЬНИК
Пересказал А. Лосев
Рисунок Т. Соловьевой

ИВА

Говорливая речка течет, а над ней молчаливо,
Терпеливо склонилась серебристая старая ива.
И порою мне кажется, как погляжу на нее:
Это мама на речке стирает, полощет белье.

Ион ЯКИМОВ
Рисунок Ф. Васильевой

ЛОЗА И НИКОЛЕТА

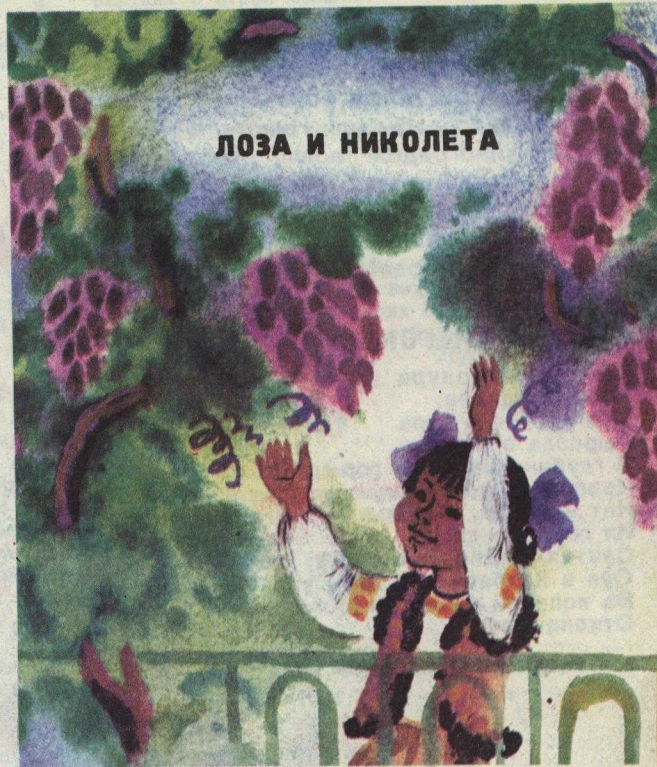

Рисунок Т. Соловьевой

Уж не знаю как, но только виноградная лоза узнала, что Никоleta еще маленькая и нельзя ей одной уходить из дому. Что делать? И лоза сама пошла к Николете.

Сначала она под землей ползла. Ползла, ползла и доползла до дома, где живет Нико-

БОГАТЫРЬ

Зима гуляет без дорог
Во всю земную ширь.
Под снежным пологом прилег
Зеленый богатырь.
Он видит лето в полусне,
Себя над всей землей
В чеканной золотой броне,
В короне золотой.
Не отвлекает старика
Случайной вьюги шум,
Течет спокойная река
Его широких дум.
Как накормить тебя, родной,
Чтоб вырос и окреп,—
Об этом думает зимой,
Под снегом лежа, хлеб.

Виталий ФИЛИП

Рисунок Т. Капустиной

2

Рисунок Ф. Васильевой

ДУЦЭ И ЕГО САНИ

Все семеро в сани уселись и
вниз
По скользкому
склону
с горы

понеслись!
Все семеро звонко смеются:
Обратно потащит их Дуцэ!
— Не тяжеловато ли для одного?
— А как же? Ведь сани-то эти
его!

Виталий ФИЛИП

7

лета. И тут ей пришлось карабкаться по стене, все выше, выше и выше...

Зато теперь, когда лоза хочет угостить Nicolette виноградом или Nicolette хочется угоститься виноградом лозы, девочке достаточно просто выйти на балкон и выбрать гроздь покрасивее.

Не зря дедушка говорил, что виноградная лоза очень добрая!

Николае ЕСИНЕНКУ

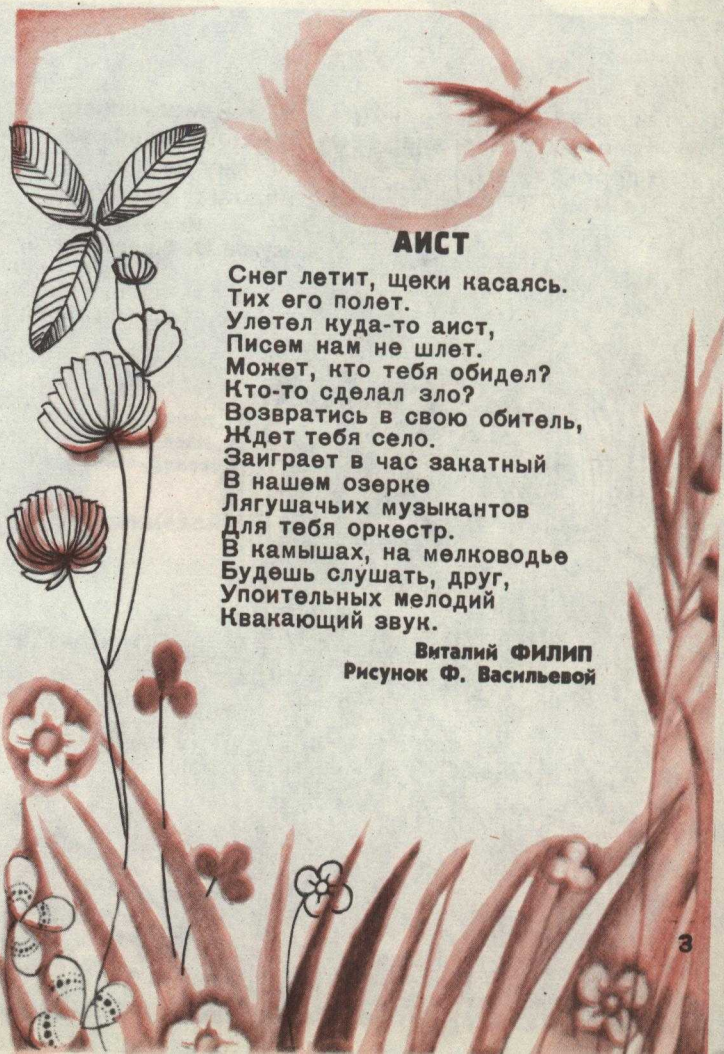
ПЕС ПОД СНЕГОМ

Где стояла конура
Посреди двора,
Снега белого гора
Выросла с утра.
В глубине большой горы
Крепко спит Трезор.
Нет ни хода, ни норы
Из горы во двор.
Снится, бедному, в снегу
Суп и колбаса...
За лопатой побегу —
Откопаю пса!

Рисунок Т. Соловьевой

6

АИСТ

Снег летит, щеки касаясь.
Тих его полет.
Улетел куда-то аист,
Писем нам не шлет.
Может, кто тебя обидел?
Кто-то сделал зло?
Возвратись в свою обитель,
Ждет тебя село.
Заиграет в час закатный
В нашем озере
Лягушачьих музыкантов
Для тебя оркестр.
В камышах, на мелководье
Будешь слушать, друг,
Упоительных мелодий
Квакающий звук.

Виталий ФИЛИП

Рисунок Ф. Васильевой

3

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Из штаба Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК) поступило срочное важное сообщение:

«Всем, всем, всем! Шахмат-адмирал Ферзьбери объявил прием заявок от желающих помериться силами в Олимпийском турнире Арчебека.

На вопрос: «Кого примут?» — отвечаем:

— Примут каждого, кто пришлет заявку!

На вопрос: «Будут ли отмечены победители?» — отвечаем:

— Победителям — награды и спортивные разряды!

На вопрос: «Когда начало?» — отвечаем:

— В январе!

На вопрос: «А если я не умею?» — отвечаем:

— Неумеющих зачислят в особый отряд!

Спешите, спешите, спешите записаться в Олимпийский турнир шахматистов и шашкистов!

Заявку («Прошу принять меня...») пишите на открытках».

СДАЙ ЭКЗАМЕН ПЕШКОЕДОВУ!

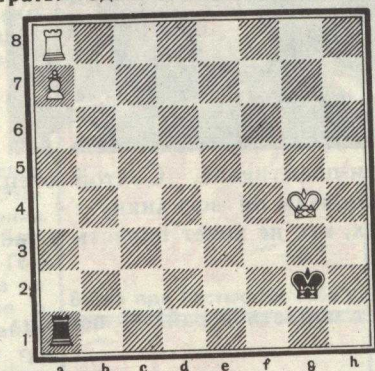
Доблестный рыцарь, знаешь ли ты, что по шахматной статистике половина всех партий решается в окончаниях? И знаешь ли ты, что 50 процентов окончаний — ладейные? А потому, чтобы побеждать в соревнованиях, шахматист должен изучить «характер и повадки» ладьи в конце игры.

На диаграмме — этюд А. Троицкого, но представь, будто это твоя партия, в которой ты играешь белыми. Кажется, что тут так легко выиграть... Стоит пешке шагнуть, и она — ферзь. Но как такой шаг сделать? Ведь твоя ладья ни на миг не может уйти с поля a8: пешка останется незащищенной. Отойди ладья с шахом — другое дело. Однако черный король спрятался от нее, спрятался за... спину твоего короля!

Как же действовать? Оторваться от навязчивого спутника не удастся: 1. Kph4 Kph2, или 1. Kpf4 Kpf2

2. Kpe5 Kpe3 и так далее. А не пойти ли королем вплотную к пешке и этим высвободить ладью? Попробуй! 1. Kpf5 Kpf3 2. Kpe6 Kpe4 3. Kpd6 Kpd4 4. Kpc6 Kpc4 5. Krb6. Конечно, если черные, продолжая игру в прятки, пойдут 5... Krb4, то последует 6. Lh8, а затем a8Ф с выигрышем. Но черные на 5. Krb6 отвечают 5... Lb1+ 6. Kpa5 La1+ 7. Krb6 Lb1+ 8. Kpc6 La1...

Подумай, рыцарь: как же тут выиграть? Сдай экзамен Пешкоедову!

У НАС В ГОСТЯХ

В АРЧЕБЕКЕ побывал барон Мюнхаузен...

— Поздравляю вас, дорогой адмирал!

— С чем, барон?

— С чем?! С моим блестящим успехом! С моей потрясающей победой! Это не мои слова, Ферзьбери, так все говорят. Вы только представьте себе... Прогуливаясь я по парку, не имея ни малейшей мысли о шахматах, как вдруг ко мне целая делегация: «Выручите, любезный барон... У нас международный турнир... Один участник не прибыл...» Охотно, говорю, господа, заменил бы его, но завтра я улетаю в космос. И что вы думаете, Ферзьбери? Они тут же усадили всех участников турнира в ряд, чтобы я дал сеанс одновременной игры. Представляете? Пятнадцать гроссмейстеров, из них четырнадцать международных! Нет, нет, не спрашивайте фамилии — я все равно не назову. Вы же знаете мою скромность, адмирал!

Вот начинаю я сеанс и сразу чувствую себя в необычайном ударе! Варианты, один лучше другого, так и мелькают в голове. Рассчитываю на десять, на двадцать... да нет — больше: на тридцать ходов вперед! И вот результат: пятнадцать гроссмейстеров, давно забывших, как выговаривается слово «сдаюсь», получают мат. Все пятнадцать! Меня хотели тут же, на месте, провозгласить чемпионом всех времен, но я сказал: «Не надо, господа, я за славою не гонюсь. Считайте меня чемпионом нашего века, и хватит».

— Интересно. И вы можете, барон, показать что-нибудь из сеанса?

— Конечно! Хоть сто партий! Но у меня с собой только три. Опубликуйте их — ваши рыцари должны изучать мое творчество! И не забудьте указать, адмирал, что в этих партиях я играл белыми.

Барон Мюнхаузен распрощался и ушел. А вот то, что он оставил.

№ 1. 1. e4 c6 2. Kc3 d5 3. Kf3 de 4. K:e4 Kf6. Фe2 Kbd7? 6. Kd6X.

№ 2. 1. e4 e6 2. d4 d5 3. e5 c5 4. Фg4 cd 5. Kf3 f5 6. Фg3 Kc6 7. Ce2 Cd7? 8. K:d4 K:d4? 9. Ch5+ Kpe7 10. Фа3X.

№ 3. 1. e4 e5 2. Kf3 d6 3. Cc4 Cg4 4. Kc3 g6? 5. K:e5! C:d1? 6. C:f7 Kpe7 7. Kd5X.

Ну что ж, партии очень интересные и поучительные. Но, видимо, по ошибке барон вместо своих оставил партии: № 1 — Керес — Арламовский, № 2 — Карфф — Лугач, № 3 — Легаль — Керми.

КТО СКАЗАЛ ЧТО?

Двое играли в шашки, Знай, Незнай и Полузнай наблюдали. Положение стало таким — белые: b4, c1, c5, d4, g1; черные: a7, b6, c7, f4 h4.

Игроки ходили быстро — 1. ba5 hg3 2. cd2 gh2 3. gf2 hgl.

— Ну, теперь белые проиграли! — сказал (кто?).

— Ничего еще неизвестно, — сказал (кто?).

— Черным сдаться пора! — сказал (кто?).

Доблестные рыцари! Определите, что сказал Знай?

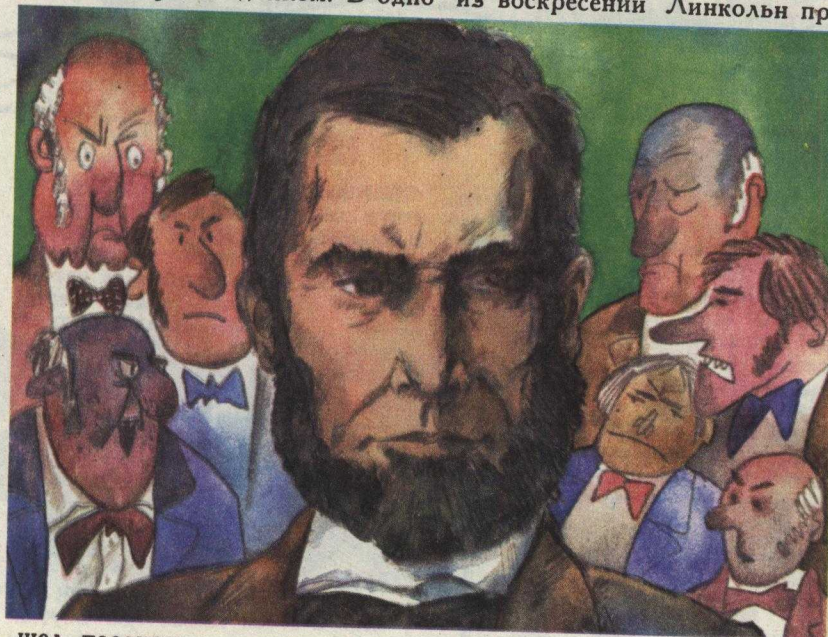

Рисунок О. Зуева

КТО КУДА СОБИРАЕТСЯ

Эта история случилась, когда Авраам Линкольн, борец против рабства, был еще молодым политическим деятелем и впервые выставил свою кандидатуру в конгресс США.

Соперником Линкольна был один священник, который слылавким проповедником. В одно из воскресений Линкольн при-

шел послушать проповедь батюшки-политикана. Святой отец старался вовсю! В конце своей проповеди он воскликнул:

— Дети мои! Я прошу встать всех, кто не хочет попасть в такое неприятное место как ад!

Многие встали.

— А теперь встаньте те, кто хочет попасть в рай! — возопил священник.

Встали все, кроме Линкольна.

— Интересно, куда же собираетесь отправиться вы, мистер Линкольн? — ядовито спросил священник.

— В отличие от вас, — спокойно ответил будущий президент, — я собираюсь попасть только в конгресс.

ДЛЯ ЧЕГО НОВИНКА

В городе Спрингфилде, где жил в ту пору Линкольн, один нечистый на руку богач украсил свой дом громоотводом, что было по тем временам новинкой.

Разоблачая грязные махинации этого человека в одной из речей, Линкольн под хохот собравшихся бедняков заметил:

— Недаром этот набожный господин выставил громоотвод у себя на крыше — ведь в Библии сказано: «Господь поразит молнией воров!»

„КАК ТОТ ФЕРМЕР...“

Эта присказка часто мелькала в речах Линкольна, сына простого народа. Когда правительство США начало захватническую войну против Мексики, он говорил в конгрессе: «Наше правительство ведет себя, как тот фермер, который утверждал: я совсем не жадный, я хочу прибрать к рукам только ту землю, что лежит рядом с моей».

СОДЕРЖАНИЕ

Рабочий Шелгунов — ученик Ленина	
очерк Н. Ходзы	2
В тюрьме	
рассказ Б. Раевского	
рисунки	
В. Бескаравайного	5
Барабан	
журнал юнкоров	12
Как сверкает „Зарница“	
фото Н. Карасева	16
и К. Янушко	
Курс—Победа!	18
Тройка с минусом, или	
Приключения в пятом „а“	
повесть И. Пивоваровой	
рисунки Ю. Шабанова	20
Макарка, юный чапаевец	
рассказ С. Новикова	
рисунки А. Аземши	34
На выставке „Костра“	38
Морская газета	40
Флагман с атомным сердцем	42
Шайбу, шайбу!	
рассказ И. Мельникова	
рисунок Л. Вознесенской	44
Особые способности	
очерк М. Нелидова	46
Красная конница	
Б. Алмазов	48
Комсомольское поручение	
рассказ	
Александра Варшавера	
рисунки А. Ежелина	52
Зеленые страницы	54
Внимание: воздух!	
подборка В. Четкарева	
рисунки А. Януса	56
Ирина Роднина	
зарисовка В. Нечаева	59
Уголёк	
журнал для малышей	60
Арчебек	
шахматы и шашки	63
На обложке	
рисунок В. Курдова	

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Т. В. ЗАХАРОВА, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), А. И. ПАНТЕЛЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, В. В. ТОРОПЫГИН, Н. А. ХОДЗА, Г. М. ЧЕРНЯКОВА, Ю. А. ЮРКАН (зам. редактора)

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются.

М-22309. Сдано в набор 4/VIII 1975 г. Подписано к печати 2/X 1975 г. Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 560 000 экз. Заказ 1135. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197101, Ленинград, Кронверкская ул., 7.

Однажды домовой Демьяша, конструируя для Гнома Гастронома кухонные электроприборы, обнаружил, что нечаянно смастерил вместо электроовощерезки машину для путешествия во времени. Хуссейн предложил воспользоваться Демьяшиной ошибкой, чтобы углубить и закрепить знания, полученные на уроках. Частенько сразу же после урока истории друзья отправлялись на машине времени прямо в ту эпоху, о которой шла речь на уроке. Возвращаясь, они так красочно и подробно повествовали о событиях глубокой древности, что их за-

слушивались даже сами учителя. К сожалению, один раз Демьяша по рассеянности включил машину в сеть напряжением 220 вольт вместо 127 вольт, что-то в ней перегорело, и ее пришлось переделать в овощерезку. На память о поездках в прошлое у Демьяши осталось несколько зарисовок. Но даты и названия событий, изображенных на них, за давностью перепутаны. Если вы не поможете Демьяше восстановить правильный порядок, ему грозят в этой четверти неважные отметки по истории.

Если же вам самим захочется повторить историю, звездочет Хуссейн рекомендует для этой цели кроссворд «ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ», составленный ЮРИЕМ КАРУНАСОМ и ИГОРЕМ ДУВАКИНЫМ из Прокопьевска Кемеровской области, в который для большей трудности Хуссейн добавил некоторые вопросы из такого же кроссворда ИРЫ МАРТЕНС из села Ленинского Джамбульской области. Кроссворд состоит из четырехзначных дат, которые надо вписать вокруг соответствующего номера, начиная от стрелки, указывающей направление, в котором пишется дата.

1. Битва Александра Невского со шведами. 2. Битва при Калке. 3. Куликовская битва. 4. Первая русская революция. 5. Начало Великой Отечественной войны. 6. Год рождения А. С. Пушкина. 7. Год Курской битвы. 8. Основание Петербурга. 9. Год рождения Ломоносова. 10. Битва на реке Каяле, описанная в «Слове о полку Игореве». 11. Освобождение русскими войсками Болгарии от турецкого ига. 12. Год рождения Л. Н. Толстого. 13. Ледовое побоище. 14. Год, когда исполнится 100 лет победы над фашистской Германией. 15. Грюнвальдская битва. 16. Занятие Берлина русскими войсками в Семилетней войне. 17. Штурм Пугачевым Казани. 18. Освобождение Москвы ополчением Минина и Пожарского. 19. Свержение Россией татарского ига. 20. Первая демонстрация А. Поповым беспроволочного телеграфа. 21. Начало первой мировой войны. 22. Восстание Богдана Хмельницкого. 23. Путешествие Афанасия Никитина в Персию. 24. Начало восстания Степана Разина. 25. Смерть князя Владимира Святославовича. 26. Битва при Бородине. 27. Первое летописное упоминание о Москве. 28. Год рождения В. И. Ленина. 29. Запуск первого искусственного спутника Земли. 30. Взятие Иваном Грозным Казани. 31. Начало похода Ермака в Сибирь. 32. Восстание декабристов. 33. Победа над фашистской Германией. 34. Полтавская битва. 35. Чесменская битва. 36. Дата первого похода Олега на Царьград по летописному исчислению (прибавить 5508 к году по нашему летоисчислению).

Переправа Ганнибала через Рону. Палеолит.

На Куликовом поле. XIV век до н. э.

Вступление Кортеса в Мексико. 218 г. до н. э.

Битва при Гастингсе. 1066 г.

Составил и оформил В. УФЛЯНД

Взятие в плен Жанны д'Арк. 1380 г.

Охота на мамонта. 1431 г.

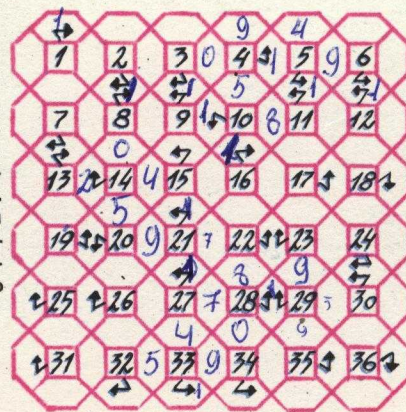
Рамзес II штурмует крепость. 1521 г.

Открытие железной дороги Петербург—Москва. 1851 г.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ «КОСТРИНЫ» (№ 10)

1. Встреча на экваторе жителей Северного и Южного полушария. 2. Лысую голову. 3. Тот, у кого самая большая голова. 4—8. Изобретения для любителей экономии. 9. Перчатки для пианиста. 10. Пятно от супа на скатерти, залитое для маскировки чернилами. 11. Нечистая сила равна нечистой массе, умноженной на ускорение. 12. Буква Ц. 13. Мышь из кувшина наблюдает солнечное затмение. 14. У кошки, спящей на отопительной батарее. 15. Осталось 2 свечи. 16. Собака. 17. В печке.

„СНЕГУРОЧКА“

Аня Будневич, 12 лет, Ленинград